

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

НЕНУЖНЫЕ

Евгения Потапова

Ненужные

<https://litres.ru/74166993>

SelfPub; 2026

Аннотация

В деревеньке, которой нет на карте, а может, даже и не существует, появляются ненужные люди: выброшенные в лесу «заботливым» Витенькой Ляля и Лиза и беглые уголовники Аркадий, Артем и Змей. Что они там найдут: гибель, свою судьбу или счастье? Кто эти таинственные жители деревни, которые их приютили, и люди ли они вообще?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2 От кого ты беременна?	12
Глава 3 Деревенские жители	19
Глава 4 Змея	28
Глава 5 Болтливая Ниночка	36
Глава 6 Не пущу	45
Глава 7 Автолавка	54
Глава 8 Цветы на могилку	62
Глава 9 Выживем	69
Глава 10 Почтальонша	77
Глава 11 Чужаки	85
Глава 12 Не пей в незнакомой компании	93
Гл	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгения Потапова

Ненужные

Глава

Название: Ненужные

Автор(-ы): Евгения Потапова

Глава 1

Лизонька тыкала пухлым пальчиком в огромного зелено-го жука.

– Мама, смотри, тут жук! – радостно крикнула она.

– Оставь в покое жука, – велела Лялька, которая сидела в полуразвалившейся остановке.

Стояла июльская жара. Трещали кузнечики и сверчки, деловито гудели шмели и пчёлы, переливались звонкими головами птицы, шумела трава и деревья. Солнце нещадно припекало. Лизонька возилась в придорожной пыли, играя с букашками и травинками. Лялька ждала, вслушиваясь в шум природы и пытаясь уловить звуки мотора. Она приходила на это место каждый день в течение месяца. Сама себя уже начала называть Хатико.

Витька привез их с Лизонькой сюда месяц назад и выкинул вместе с вещами в придорожную пыль. Ляля так и стояла с открытым ртом, смотря, как удаляется его машина в клубах пыли. Она села в старую разрушенную остановку и стала ждать. Так они и просидели с Лизонькой практически до самой темноты. Когда солнце стало закатываться за край земли, поняла, что Витька сегодня за ними не вернётся. Она взяла маленькую Лизоньку за ручку и направилась по едва заметной тропинке в сторону виднеющихся домов.

Лиза устала и канючила. Она хотела есть и пить. Малень-

кая бутылочка воды давно была выпита, а творожки съедены. В животе у Ляли тоже было пусто. Она всё отдала дочери. Они брели к огням небольшой деревеньке. Выйдя на улицу, обнаружили, что практически все дома разрушены и только в одном с левого края горит огонёк. К нему и направила путь Ляля.

Она тронула незапертую калитку и вошла в пустой двор, в страхе ожидая, что откуда-нибудь выскочит дворовый пёс. Но около будки лежала пустая цепь. Ляля подошла к двери и постучала. Сердце бухало в груди, отдавая эхом в ушах. Ей было страшно, но ещё больше её страшила темнота. Дверь распахнулась, и на пороге возникла худая, высохшая старуха во всём чёрном. Она с удивлением посмотрела на Ляльку и Лизоньку.

– Откуда вы тут? – с удивлением спросила она, – Как вас сюда занесло?

– Здравствуйте, – сказала Ляля, – Мы случайно тут оказались. Вы не подскажете, когда пойдёт автобус до города?

– Не ходит тут ничего уже давно. Проходи в дом, – старуха отошла в сторону, придерживая дверь и пропуская их внутрь.

Они вошли в крошечную избушку с низкими потолками, которая состояла из одной комнаты и огромной печи. Убранство тут было нехитрым: старый громоздкий тёмно-коричневый шкаф, диван с деревянными подлокотниками, два кресла, буфет с разной посудой, кухонный пласти-

ковый шкафчик, круглый стол, несколько венских стульев и ковёр с оленями на стене. На окнах красовались вышитые занавески и горшки с засохшими остовами цветов. В целом было уютно.

– Меня Авдотья зовут, – представилась старуха.

– А меня Ляля, а это Лиза, – ответила девушка.

– Сестра?

– Нет, дочка, – помотала головой Ляля.

– Ох ты, батюшки, а тебе самой сколько лет? – всплеснула руками старуха.

– Девятнадцать. Лизе три года.

– Ох и, – старуха покачала головой.

– Мама, я есть хочу, – Лиза дернула Лялю за футболку.

– Нечего у меня есть. Не готовила я ничего сегодня, всё вчерашнее доедали, – покачала головой бабка Авдотья, – Могу только чаем напоить с вареньем, да пряников с сухарями дать.

– Мы и за это благодарны будем, – проговорила тоненьким голосочком Ляля.

Ей было жутко неудобно и стыдно, и если бы не Лизонька, то она заночевала прямо в той самой разрушенной остановке. Бабка Авдотья налила воды из ведра в электрический чайник и включила его.

– Газа у нас нет, не было и уж, наверно, не будет. Так что летом готовим на плитке или на улице, на печке, – пояснила она.

Ляльке было совершенно все равно, где они тут готовят, она думала о своем, о том, как выбраться из этой глухомани. Весь день она пыталась дозвониться Витьке, но он не брал трубку, а потом вообще стал недоступен.

– Бабушка, я у вас могу зарядить телефон?

– Да заряжай, – пожала она плечами, кивнув на розетку.

Ляля достала из рюкзака зарядку, подключила телефон и воткнула его в розетку. Авдотья собрала на стол: пряники, сухари, какие-то карамельки.

– Нет ничего, – снова сказала она, пожимая плечами. – Чем богаты.

– И за это спасибо, – кивнула Ляля.

– А ты как нашла-то нас? – спросила Авдотья, насыпая сухую заварку прямо в чашки.

– Да от остановки шла тропинка, вот я по ней и пошла.

– Странно, у нас давно никто не ходит на ту остановку, – задумчиво сказала старуха. – Откуда тропинка-то?

– Как мне от вас можно уехать? – спросила Ляля.

– Да никак. К нам раз в месяц автолавка приезжает, да почтальонка приходит, пенсию приносит, и всё. Ищи кого-нибудь на стороне, а у нас ты перевозчика не найдешь, – помотала головой старуха. – Нет ни у кого транспорта.

– Ясно, – тяжело вздохнула Ляля.

– Как оказалась-то в нашей стороне? – продолжила спрашивать Авдотья. – У нас тут глухомань, на десятки километров жилья нет, да и места гиблые, много зверья дикого.

Как занесло?

Она поставила перед ними два стакана с кипятком.

– Обожди, не хлебай, пусть завариться, – она глянула на Ляльку пронзительным взглядом.

Лиза уже грызла засохший пряник.

– Нас Витюшка сюда привез. Сказал, когда всё уляжется, то заберет нас отсюда, – ответила Ляля.

– С остановки? – удивилась старуха.

– Ну нет, он сказал, что где-то тут живет его родня. Они нас приютят.

– Добрый у тебя Витюшка, вывез в глухомань, видать, на погибель вас отправил.

– Ну нет, он хороший, добрый, любит нас с Лизонькой.

– А то и видно, – хмыкнула Авдотья. – Разбавить тебе чай холодной водой?

– Разбавить, – кивнула Ляля.

Старуха подлила им в чашки холодной воды из ведра.

– Я вам на диване постелю. Сама я сплю за печкой. По нужде – ведро в сенях, ночью во двор не выходите. Звери у нас могут по ночам рыскать. Давеча моего Бобика задрали. Хороший пес был, хоть и старый. Вы ешьте, а я пока диван разберу. Еще успеем наговориться.

Ляля не стала с ней спорить и говорить, что они завтра же уедут из этого места и некогда будет им с ней разговаривать, а просто стала макать чёрствый пряник в стакан с чаем. Лизонька наелась пряников, сухарей и даже слопала одну кара-

мельку, и прямо за столом задремала с сухарем в руке.

– Умаялась малышка, – улыбнулась старуха. – Укладывай ее спать, да и сама ложись.

– Мне бы умыться.

– Так вон умывальник висит, – кивнула Авдотья на железное приспособление. – Полотенце есть?

– Имеется, – ответила Ляля.

Она подхватила дочь на руки и уложила девочку на белоснежные простыни, быстро ее раздела и с сожалениемглянула на чумазую мордочку Лизы и ее грязные ножки.

– Завтра ее в корыте искупаешь, пусть спит. Электричество есть, простыни постираем, – махнула Авдотья, поняв, о чем думает сейчас Ляля.

Девушка еще раз поблагодарила старуху за то, что та их приютила. Ляля старалась гнать от себя всякие дурные мысли и всякие страшилки. Они сами собой появлялись в голове, когда она смотрела на старуху. Уж больно вид у нее был неприятный, как у Бабы Яги из книжки со сказками. Такой же крючковатый нос, пронзительный и внимательный взгляд, выбивающиеся из-под черного платка седые волосы, бледные поджатые губы.

– Чего, молодка, задумалась, умываться ведь хотела, – вырвала ее из дум Авдотья.

– Да-да, уже иду. Глаза закрываются.

– Это сколько же вы на улице просидели, его прождали?

– Ну вот он, как утром нас привез, так и до вечера, – вздох-

нула Ляля.

– Ох, нет у него сердца, – покачала головой Авдотья.

Ляля достала из рюкзака небольшое полотенце и кусок детского мыла и направилась к железному умывальнику в углу хаты. Она смыла с себя всю пыль и сегодняшний день. Хотелось принять душ, но старуха запретила выходить на улицу.

– Завтра, всё завтра. Наберем в бак воды, и помоешься. Может, и баньку затопим, всей деревней помоемся.

– Всей деревней? – с испугом спросила Ляля.

– Ну не одна же я тут живу. Не переживай, мыться будем по очереди, – рассмеялась Авдотья. – Просто так проще и дешевле, когда одна баня топится.

– А, поняла, – улыбнулась Ляля.

Она сама прожила несколько лет в деревне и тут сообразила, что старуха имела в виду.

– Ну всё, давай укладываться. Ночь уж на дворе, – велела Авдотья. – Спокойной ночи.

Она развернулась и скрылась за печкой, задернув за собой занавеску.

– Спокойной ночи, – ответила Ляля.

– Ткни там на выключатель.

– Хорошо.

Ляля стащила с себя одежду, натянула длинную майку, выключила свет и улеглась рядом с дочерью. Сон ее сморил тут же, хотя она дала себе слово, что спать здесь не будет.

Глава 2 От кого ты беременна?

Сколько себя помнила Лялька, родители всегда пили. Сначала по праздникам и пятницам и выходным, потом стали добавлять бутылочку пивка среди недели после работы с устатка. Затем поллитровка выросла до двух по два литра, а после стали выпивать практически каждый день и уже не после работы, а вместо нее.

Поначалу Ляльку кормили и одевали, покупали игрушки и даже водили в парк развлечений и кино. Потом перестали развлекать и дарить игрушки, затем покупать новую одежду и обувь, а после Ляльке и еда перестала перепадать. Если успеет появиться к тому времени, как мать накрывает стол к очередным посиделкам, то сможет утащить кусок колбасы с соленым огурцом и хлебом, и, может, даже полтарелки хрустящей недожаренной картошки. А если не успела, то ходи голодной, да потом подбирай засохшие обмусоленные куски.

Иногда она подъедалась в столовой, приходила и садилась за стол с социальными обедами. Обычно там стояли тарелки с бутербродами с колбасой или сыром, вареные яйца и стаканы с компотом или чаем. Иногда дежурившие учителя прогоняли ее, иногда делали вид, что все так и надо, и отдавали оставшиеся яйца или колбасу.

Ляльку родители не били и не обижали, когда были пьяные, то просто не обращали на нее внимания. Если случа-

лось такое, что были трезвы, то плакали и просили прощения, иногда стараясь задобрить дешевой игрушкой или какой-то недорогой новой вещью, по типу трусов, носков или колготок. Но бывало это очень редко. В основном Лялю одевали соседи. Молча ловили ее около подъезда и вручали пакет с какими-то вещами или обувью. Ляля ошарашено благодарила и бежала домой примерять обновки. В целом в школе она не выглядела бедно одетой. Да, вещи были ношенными, но в пределах опрятного и чистого состояния. Не оборванка и не грязнуля, да и ладно.

Родители Ляли не буянили и не устраивали дебошей, долгое время пили только своей семьей и не водили компаний. Выпив лишнего, закрывали дверь на все замки и заваливались спать. Так часто Лялька оказывалась после школы на улице. Она банально не могла попасть в квартиру, и достучаться до родителей не получалось. Так что в теплое время она ошивалась во дворе, а в холодное таскалась по ближайшим магазинам, да стояла около батареи в подъезде. Иногда ее к себе погреться пускала соседка-бабушка. Она кормила девочку и позволяла сидеть у себя до тех пор, пока родители не открывали дверь в квартиру, чтобы сходить за добавкой.

Постепенно эти посиделки переросли в ночевки, а затем Ляля окончательно перебралась к бабушке Поле на постоянное местожительство. Дочка бабы Поли не особо была довольна новой квартиранткой, но матери ничего не говорила, ибо Лялька не только там спала, но и выполняла всю работу

по дому и ходила в магазин за продуктами. У дочери была своя семья, свои проблемы, и она не могла постоянно находиться рядом с матерью, а Лялька скрашивала одиночество старушки и помогала ей по дому.

Родители иногда вспоминали про Ляльку, пытались ее вернуть, но, пожив с ними несколько дней, девочка возвращалась обратно к своей бабушке Поле. Как-то мать выгнала отца и бросила пить. Она забрала Ляльку домой, отмыла квартиру, устроилась на работу. Продержалась всего полгода, а потом пришел отец, они помирились, и веселая карусель кутежа и пьянства закрутилась с усиленной скоростью. Теперь у них стали собираться всякие разные личности. Мать несколько раз приносила пакеты с продуктами, когда работала на овощебазе сортировщицей. Притаскивала сумки с картошкой, морковкой, капустой и свеклой. Там работникам продавали это все по себестоимости. В другое же время Лялю кормила бабушка Поля.

И так и жили они вместе, пока не случилась беда – бабушка Поля заболела, да так, что пришлось вызывать скорую помощь. Несколько раз Ляля вызывала скорую. В очередной раз бабушку отвезли в больницу. Там она прожила около месяца и скончалась. Дочь бабушки приехала в квартиру и велела Ляльке собирать свои пожитки.

– Можешь забрать любые вещи, постельное там, одеяла, подушки, может, какую бабушкину одежду. Мне ничего этого не надо, я все равно все вынесу на помойку. Посуду тоже

можешь взять, — сказала она.

Лялька вся в слезах хотела крикнуть ей, что ничего ей из этого не надо, и вообще, она обойдется, но вдруг вспомнила, что возвращаться ей придется в родительскую квартиру, где давно нет постельного белья, и посуда вся побита или испорчена. Она поблагодарила женщину и разрыдалась.

— Не реви, все у тебя будет еще, — дочь тоже плакала, — Ты главное не поддавайся на соблазны, не порти себе жизнь.

— Я постараюсь, — икала от слез Лялька, — Но бабушку Полю очень жалко.

— Да и мне ее будет сильно не хватать. Спасибо тебе, что скрасила ее последние годы жизни.

И так Лялька вернулась обратно в квартиру к родителям с небольшим приданым. Кое-как закончила девятый класс и сбежала в другой город. Там она поступила в лицей, который когда-то был училищем. Выбрала специальность повара. Ей выделили койку в общежитии, и Лялька зажила свободной жизнью. С девчонками по пятницам ходили в клуб, где она и познакомилась с Виктором. Парень был старше ее на десять лет и очаровал глупую Ляльку.

До этого ее никто никогда так не любил. Он привозил ей вечером в общагу вкусняшки, дарил игрушки, покупал модные вещи. Ему нравилось, как Лялька реагирует на такие знаки внимания, как она радуется, смеется, прыгает и хлопает в ладоши.

О том, что она беременна, Ляля узнала на уроке физкуль-

туры. Девочки встали в линейку, и учительница вперилась в выпирающий Лялькин животик. Она смотрела на него довольно долго, пока ученицы не начали между собой тихонько переговаривать. Они не могли понять, что стало с их преподавательницей. Та словно очнулась, схватила Ляльку под локоть и поволокла в медпункт. Там принялась на нее орать, да так, что Ляля мотала головой и не понимала, что от нее хотят.

– От кого это? Кто он? – тыкала пальцем в живот учительница.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите, – расплакалась Ляля.

– От кого ты беременна? – бушевала учительница.

– Я не беременна, я просто поправилась. У меня нет мужа, как я могу забеременеть?

– А причем тут муж? Чтобы залететь, не обязательно быть замужем, надо просто спать с мужиками. Так с кем ты спала?

– Ольга Сергеевна, успокойтесь, дайте я поговорю с девочкой, – вмешалась медсестра. – Выйдите.

Так и выяснилось, что Лялька не растолстела, а беременна и срок у нее уже такой, что делать что-либо поздно. Она позвонила своему Витюше и рассказала про скандал в лицее.

– Надеюсь, ты им не сказала, от кого ты забеременела? – спросил он у нее тихо.

– Сказала, но мы же любим друг друга и ты готов на мне жениться.

– Конечно, готов, – хмыкнул он. – На свадьбу только нужно денег собрать. А пока бери свои вещички, документы и жди меня. Все равно эти гримзы не дадут тебе нормально доучиться.

– Ты меня заберешь к себе? – спросила радостно Лялька.

– К себе не могу, у меня мать болеет, и отец, в общем, все болеют, пока нельзя, а то еще заразишься, а тебе нужно родить здоровенького ребеночка.

– Да, надо, – кивнула радостно Лялька.

– Так что я отвезу тебя на природу, к тетке отца. К ней все равно никто не ездит. А так и тебе хорошо будет, и ей, и ребеночку, ну и мне тоже, – сообщил Виктор.

Так Лялька оказалась в деревне у бабушки Гали. Ей было под восемьдесят лет, но старушка была весьма бодрой, имела свое небольшое хозяйство и довольно добротный дом со всеми удобствами. К девчонке сначала относилась настороженно, а потом попривыкла и как-то даже была рада, что рядом есть живая душа. К тому же Витька частенько навещал их и привозил продукты.

В положенный срок родилась здоровенькая девочка Лиза. Ребенком она была спокойным и не доставляла много хлопот молодой мамочке и бабушке Гале. Витька продолжал навещать их и жил с Лялей, как с женой. На ее вопросы о свадьбе отмахивался и говорил, что нужно еще немного подкопить, и вообще жить негде, надо собрать немного денег на квартиру, и вообще все и так хорошо, чего ей еще надо.

Лизонька росла, баба Галя дряхлаела, и в один день Ляля обнаружила старушку мертвой. Умерла бабушка во сне и до этого особо ничем не болела. Ляля тут же позвонила Витюше и сообщила трагическую новость. В этот же день он и примчался, приехали и другие родственники. Витя попросил Ляльку не болтать, да и вообще ей лучше пересидеть у соседей. Дескать, нехорошо им сообщать радостную весть о Ляле и ребенке в такой скорбный момент. Утром он разбудил их рано и, не дав времени на сборы, посадил в машину Лялю с Лизой и вывез их в непонятное место. Там он их и бросил на остановке, наплетя с три короба и пообещав, что за ними обязательно придут какие-то родственники и их заберут.

Глава 3 Деревенские жители

Лялькино первое утро в чужой деревне началось с того, что ее разбудила старуха Авдотья. Не специально, правда, старуха откуда-то вернулась и что-то бормотала себе под нос. Ляля, не открывая глаз, стала прислушиваться.

– Ну вот дед Василич проснулся, и дочь его Ниночка тоже, и старуха Акинишна, а остальных помянуть, значит, надо.

Авдотья вытерла стол и кухонный шкафчик, достала плитку и сковородку.

– Молодка, ты яишенку будешь? – спросила старуха, – Я же слышу, что ты не спишь. Я вот у Василича яйца для нас взяла. У него вот куры есть, радость-то какая. У Петровых козы были, но они померли.

– Козы? – открыла глаза Ляля.

– И козы тоже, – кивнула Авдотья, – Так мне жарить или сварить?

– Жарить, – ответила Ляля.

– Вот и ладненько, сейчас сделаю.

Лиза потянулась, зевнула и открыла глаза.

– Моя мамочка любименькая, – поцеловала девочка Лялю, – Как я тебя люблю, ты же мое солнышко.

– Ох, боже мой, какая лапочка, – прослезилась Авдотья, – Вставайте, девчата, умывайтесь и завтракать. Потом будем порядок наводить в избе, а то тут пыли полно, да цветы эти

все засохли. Еще и посадить тогда надо чего-нибудь, еще успеваем. Василич обещал рассадой поделиться. Это он у нас агроном, всю жизнь любит с растениями заниматься, а мне уж давно ничего не надо, чем поделиться, то и ем.

– Я хотела с Лизой на остановку сходить. Может, Витюшка поймет, что не туда нас привез, и что нет тут никаких его родственников, и приедет за нами.

– Ну сходи-сходи, чего же не сходить-то, – криво усмехнулась Авдотья, – Вот только с пылюкой с тобой разберемся и сходишь. Телефон-то у тебя работает?

– Работает, – кивнула Ляля.

– Как приедет, так позвонит.

– А вдруг тут связь плохо ловит?

– А мы сейчас все окна откроем и уж звук-то машины услышим.

– Ладно, – вздохнула Ляля, – Тогда давайте завтракать и сразу убираться.

– Ну вот и молодчинка, – тряхнула головой Авдотья.

– А почему вы во всем черном, у вас кто-то умер? – спросила Ляля.

Старуха перестала суетиться, подошла к зеркалу и глянула на себя.

– И то правда, – с удивлением сказала она, – Померли, так давно это было, пора уже и траур снять.

Она стянула с головы черный платок, пригладила гребешком длинные седые волосы, скрутила длинную косу и подко-

лола ее невидимками.

– Обросла как, – сказала Авдотья, – Ну ничего, мне на свиданья не ходить, и так пойдет.

Старуха полезла в шкаф и достала платок с крестами.

– Это в гроб, – она сунула его обратно и вытащила обычный хэбэшный белый платок в мелкий цветочек и повязала его на голову.

– Бабуля, а тебе холодно? – спросила ее Лизонька.

– С чего ты взяла, малышка?

– Ты платочек на голову надела.

– Холодно, старики мерзнут часто, – кивнула Авдотья, – Ну, милые, быстро шагаем умываться и идем завтракать.

Пока Ляля с Лизой умывались, бабулька накрыла на стол.

– Хлеба только нет, лишь сухари. Акинишна тесто завела, может, к вечеру хлеб будет, – сказала она.

Позавтракали быстро, без разговоров. Лялька все думала о своем, Авдотья о своем, а Лиза просто болтала ногами и с удовольствием разглядывала избу.

– А у тебя коровка есть, как у бабушки Гали? – спросила Лиза.

– Нет, старенькая я, тяжело мне за ней ухаживать, да и молока с маслом столько не надо.

После завтрака Ляля кинулась убираться. Авдотья сказала, что нужно начать с окон.

– А то темно, как в склепе. Помыть надо все, да занавески постирать и чистые повесить. Стирать я сама буду, а ты окна

мой.

Она собрала все горшки с засохшими растениями и вынесла их на улицу. Вернулась и забрала у Ляли снятые занавески. Подушки, одеяла и перину вытащила на улицу и положила на солнце прожариваться.

– Ну вот, сейчас мы с тобой вдвоем быстро порядок наведем. А у тебя кроме этой фуфайки со штанами больше ничего нет? – спросила Авдотья.

– Витюша не дал мне толком вещи собрать. Сказал, что потом их мне привезет.

– Ох, этот твой Витюшка, – покачала головой старуха, – У меня вот сарафан да платье от дочери остались. Не побрежгуешь, возьмешь? Они чистые. А то же спаришься в такой одежде.

– Возьму, – ответила Ляля, – Я не брезгливая. А дочь ваша где?

– Да шут ее знает, уехала в город, там замуж вышла, дитев родила. Стало быть, у меня внуки есть, а может и правнуки. Раньше ездили сюда, а потом как-то пропали, то ли забыли про меня, то ли дочь померла, а мне не сообщили, не знаю.

– Ну а позвонить? – удивленно спросила Ляля.

– Я звонила, там трубку не берут. Поехать к ним не могу, старая, заблужусь еще, да и не на чем.

Пока Ляля мыла окна, Авдотья с Лизонькой вытащили все чашки и редкий хрусталь из буфета. Авдотья мыла в тазу, а Лиза подносила да вытирала. Девочка чувствовала свою

значимость и серьезно хмурила бровки.

– Лизонька, ты только ничего не разбей, – велела Ляля.

– Да и разобьет, ничего страшного не случится. Там на подловке полно всякой посуды. Залезешь да достанешь, – сказала старуха.

– На чем? – не поняла Ляля.

– На чердаке, – пояснила Авдотья.

Быстро убрались в доме. Старуха выдала Ляле шифоновый сарафан на тонких лямках. Та переоделась, покрутилась перед зеркалом.

– Красивый какой, белый в красный горох.

– Вот она его не носила, всё берегла для особого случая.

Видать, для тебя его сохранила. Носи и радуйся, а порвется – не горюй, – улыбнулась Авдотья.

– Спасибо вам.

– Ну, беги, куда собиралась, да к обеду приходи.

– Я думаю, что не приду, нас Витюша заберет. Спасибо вам за всё: и за ночлег, и за еду, и за сарафан.

– Во благо, – кивнула Авдотья, – Ты приходи, щавелевый супчик варить будем.

– Ладно, – вздохнула Ляля, – Если не уеду, то приду.

– И ты там аккуратней иди по траве–то, у нас тут и змеи, и дикие кабаны водятся.

– Хорошо, я буду смотреть в разные стороны.

Ляля собрала свой рюкзак, взяла Лизу за руку, попрощалась с хозяйкой и направилась к остановке. Диких кабанов

и змей по дороге они не встретили. Старуха посмотрела им вслед и вернулась в дом. Она открыла дверцу шкафа и стала перебирать платья. Всё пересмотрела и повесила их обратно. Достала простую штапельную коричневую юбку и обычную желтую блузку.

– Переоденусь, чего народ–то пугать, – проворчала она.

Теперь Авдотья не так зловеще выглядела, как накануне ночью.

Ляля с Лизой просидели на остановке до обеда. Она пыталась дозвониться до Витюши, но трубку с той стороны не брали, а затем слышались короткие гудки, словно сеть была всё время занята. Ляля вздохнула, написала ему сообщение и отправила, решив, что когда–нибудь оно до него дойдет и он поймет, что где–то повернул не туда и ошибся.

Дочка сначала бегала туда–сюда, играла, а потом привалилась к матери и стала канючить, что хочет пить и в туалет. С туалетом быстро разобрались, а вот с водой было сложнее, Ляля про нее забыла. Она пыталась уговорить дочь немного потерпеть, но та всё равно продолжала ныть.

– Там бабушка нам щавелевый супчик обещала, – сказала Лиза, – Идем домой.

– У нас нет с тобой дома, – первый раз за всю свою жизнь сказала такую фразу Ляля.

– Он там, где бабушка, идем, – потянула она ее за ручку.

– Идем, – сдалась Ляля.

Во дворе было шумно. На лавке сидела древняя старуха

во всем черном. Какая-то полная тетка в голубом сарафане расположилась за уличным столом и рисовала что-то в альбоме. Авдотья ругалась с дедом в растянутой грязной майке, серых шароварах, валенках и картузе. Они боролись с сорняками, ну и периодически переругивались.

Тетка увидела их, вскочила со своего места и, широко улыбаясь, позвала деда.

– Папка, папка, там пришли, – она ткнула в Лялю с Лизой пухлым пальцем.

Тетке было лет сорок, и вид она имела весьма глупый.

– Здравсьте, – растерянно сказала Ляля.

– Здравсьте, – поздоровались все с ними.

– Это вот Ляля и Лиза, – представила их Авдотья, – А это Ниночка – дочка Василича. Это у нас Акинишна, ну а это сам Василич.

– Очень приятно, – ответила растерянно Ляля.

– А нам-то как приятно, – закивал головой Василич.

Ниночка подошла к Лизе, взяла ее за ручку и повела к столу.

– Идем играть, – сказала она.

– Идем, – кивнула Лизонька.

– Ниночка у нас немного тогось, так что не пугайся. Она девочка у нас добрая, никого зазря не обидит, – сказала Авдотья.

– Называй уж всё своими именами, – махнул рукой Василич, – Дурочка она у меня.

– Я не дурочка, – откликнулась Ниночка.

– А! – сердито крикнул дед, – Ты у меня умница и красавица.

– Да, я когда вырасту, то выйду замуж за принца, – деловито сказала Ниночка, устраиваясь за столом.

– Обязательно, – согласился дед. – Вот принц–то будет рад, что такую невесту отхватил.

– Да, – кивнула деловито Ниночка.

Он не стал спорить с дочерью.

– Так, теперь все в сборе, значит, давайте на стол собирать. Супчик уже готов. Акинишна принесла свежий хлеб, – обрадовалась Авдотья. – Давайте, девочки, закругляйтесь и помогайте накрывать на стол.

Ниночка что–то там под нос поворчала, но пошла в дом за посудой. Через несколько минут на столе стояла кастрюлька с ароматным щавелевым супом, салат из свежих огурцов и редиски, лежали просто порезанные огурцы и редиска, перья лука и нарезанная буханка еще теплого свежего хлеба. Ляля вдруг поняла, как ей хочется есть.

– Василич еще своего фирменного кваса притащил, – сказала Авдотья, – так что руки мыть и бегом обедать.

Народ не заставил себя упрашивать еще раз. Быстро все собрались за столом. Даже древняя Акинишна шустро заняла свое место.

– А как вас зовут? – спросила ее Ляля.

– Акинишна я, – прокричала старуха громко.

– А имя?

– Не помню, Акинишна зовут все. Может, Марфа, может, Мая, а может, и Зоя, – махнула старуха рукой с ложкой.

– Не трогай ее, не помнит, и не надо, – сказал Василич.

Авдотья быстро разлила суп по тарелкам и насыпала каждому по горсти нарезанных яиц.

– Без мяса, – пояснила она, – Нет у нас ничего мясного. Вот грибы пойдут, за грибами сходим. Василич раньше силки ставил на зайцев да на сусликов, да вот только перестали они попадаться.

– У вас же куры есть, – удивилась Ляля.

– Куры без петуха несут пустые яйца, – хмыкнул Василич, – Его давно лиса утащила. А несущек мы резать не будем.

– Ясно, – вздохнула Ляля.

– Ну, такая жизнь у стариков в деревне. Автолавка придет – привезут продукты, там может и тушенку купим. В зиму вот брали замороженное мясо и кур. Привозили они нам, а вот в жару никто такого не возит. Вот токмо ездить она стала всё реже и реже. Раньше раз в неделю, потом в две недели, а теперича раз в месяц, а зимой их вообще не было.

Все за столом замолчали, принялись стучать ложками и громко хлебать горячий суп.

Глава 4 Змея

После обеда Лизонька сказала матери, что хочет немного полежать в доме, а то на улице ей жарко.

– Ну чего ты на ребятенка смотришь? Иди укладывай, – велела Авдотья, – Там на диване простынка свернутая лежит, да думочек полно, выбирай, какие нравятся.

Ляля поблагодарила и ушла вместе с дочерью в дом. На диване, кроме подушек, лежали стопкой детские тонкие книжки времен СССР.

– Ой, сказки, – обрадовалась Лиза, – Почитай.

Она выхватила одну книжку из стопки и протянула Ляле. Та убрала книги в сторону и устроилась рядом с дочерью. Пока читала сказку о рыбаке и рыбке, Лиза уснула. Ляля тихонько встала, переделась в футболку и джинсы и вышла во двор.

– Уснула малышка? – спросила Авдотья.

– Уснула, – кивнула Ляля, – Спасибо вам за книги.

– Так это Ниночка свои принесла.

– Да, – тряхнула головой Ниночка, что-то разрисовывая в альбоме, – Я их больше не читаю, выросла.

– Спасибо, – сказала ей Ляля.

– А ты чего опять в свою фуфайку и штаны вырядилась? – спросила Авдотья.

– Помогать вам буду в огороде.

– Ну, это правильно, вот только жалко, штаники такие хорошие, сейчас все в зелени изгваздаешь, потом не отстираешь. Сейчас я тебе треники и фуфайку для огорода дам, – сказала бабушка.

Она принесла Ляле старенькую, но чистую одежду из дома. Ляля быстро переоделась и вернулась в строй. Ей выдали перчатки и панамку на голову, показали, где нужно выколоть траву. И Ляля с рвением приступила к работе. Она что-то выдергивала, что-то вырубала лопатой. К работе она привыкла, бабушка Галя – тетка Виктора квартирантку не жалела, а загружала по полной. Да и сидеть просто так Ляле не хотелось, не рисовать же картинки, как Ниночка.

Акинишна так и сидела на лавке и дремала. Порой Ляле казалось, что старушка умерла, но та вздрагивала, отгоняла от себя назойливую муху и продолжала дремать.

Ниночка немного порисовала, ушла в дом и вынесла оттуда старенький приемник. Она покрутила у него ручки, и оттуда полилась какая-то задорная мелодия из 80-х.

– Опять свою попсу крутят, – почесал затылок дед Василий, – Хоть бы какой спектакль поставили.

– Я не люблю спектакли, – поморщилась Ниночка, – Я люблю танцевать.

Она отложила свой альбом и карандаши в сторону, встала из-за стола и принялась кружиться в своем голубом сарафане. Вдруг она встала как вкопанная и повернула свою глупую мордочку в сторону Ляли, а затем довольно быстро

кинулась к ней. В два прыжка она оказалась около нее и резко выбросила руку вперед. Перед Лялиным лицом оказалась пухлая ручка Ниночки, сжимающая живую гадюку. Змея извивалась и шипела. В одно мгновение Ниночка оторвала ей голову.

– Папа, на, – повернулась она в сторону отца, протягивая обезглавленную гадюку.

– Ниночка, ты весь сарафанчик запачкала, – покачал головой дед Василич.

– Ну вот и мяско будет на ужин, – сказала Авдотья, – Хоть и мало, но не выбрасывать же.

Перед глазами Ляли все поплыло, в ушах зашумело, и она свалилась в траву. Очнулась уже на лавке. Ниночка стояла над ней в нейлоновой комбинации и обмахивала Лялю альбомом. На веревке развевался ее голубой сарафан. На столе на тарелке лежали маленькие кусочки чего-то мясного.

– Ой, очнулась, – радостно сообщила всем Ниночка.

– Это, видать, солнцем припекло, – проговорила Авдотья, подходя к лавке, на которой лежала Ляля, – Вот ты нас всех напугала. Стояла, стояла, а потом хлоп и упала.

Ляля убрала с головы мокрое полотенце и села на лавку.

– Или ты гадюки напугалась? – спросила ее Авдотья. – Я же говорила тебе, что они у нас водятся. Обычно близко к дому не подходят, но у меня тут такие заросли, вот они и шныряют туда-сюда. А Ниночка у нас спец по гадюкам. Слышит их за версту, ловит голыми руками, и еще ее ни разу

никто не укусил.

– Я в нашем огороде их всех переловила, – важно сказала Ниночка, – Бабушка не знает, но меня в детстве укусила гадюка, за ножку. Вот сюда, видишь, шрам остался.

Она поставила ногу на скамейку рядом с Лялей и стала тыкать пальцем в небольшой шрам.

– Угу, еле выходили ее, – откликнулся Василич, – И после этого она у нас такой стала. Хотя кто его знает, что на нее повлияло.

– Вечером картошку отварю, и вот змейку потушу, каждому по маленькому кусочку достанется, – радостно сказала Авдотья.

Лялю замутило от этих слов. Она попросила воды. Ниночка принесла ей ковшик с водой.

– Папкин квас вкусней, – сказала она.

– Нет, спасибо, воды хочу, – помотала головой Ляля.

Вечером ужинали все вместе. Авдотья сварила картошки, помяла ее вилкой и добавила ложку постного масла и укропа. В сковородке с луком и морковью потушила трофей. Также на столе стояла миска с зеленым салатом из огурцов, редиски и яйца.

– Завтра обедать будем у Василича, – сказала Авдотья.

– Ага, завтра будем огород перекапывать у тебя, а есть пойдем ко мне. Ишь какая хитрая. На тебя работаем – ты и кормишь. Еду я с собой принесу, – ответил дед.

– Так нечестно, – нахмурилась она.

– Тогда и брось этот огород к лешему. У меня уже вон все колосится, а ты только сподобилась начать сажать. Вон уже и огурцы, и редиска пошла, скоро картоху молодую копать будем. А тебе приспичило. У меня все засажено, а то нам не хватит на всех. Скоро огурцы ведрами собирать будем и солить, – ругался он на нее, – Я на твоём огороде все руки стер.

– Ой, ну и не приходил бы.

– Вот фигули тебе, – он скрутил пальцы в фигу и сунул ей в нос, – Баню топить будем?

– Конечно, будем, девки грязные и мы с тобой, как черти чумазные, – хмыкнула Авдотья. – Ладно, хватит припираться, моем морды, шеи, руки и садимся есть.

Лизонька вышла из дома, потягиваясь и зевая.

– Вы чего расшумелись? – строго спросила она.

– Так ужинать собрались, – сказала, улыбаясь, Авдотья.

– А чего меня не зовете? Ух, я так проголодалась, сейчас бы слона съела.

– Ну, садись, малая, – похлопал по лавочке дед Василич.

– Умыться надо, – важно ответила малышка.

Она подошла к бочке, побрызгала себе на лицо воды и довольная уселась рядом с дедом.

– А это что? – спросила она, показав пальчиком на сковородку с тушеной добычей.

– Это рыбка, милая, – сказала Авдотья. – Будешь?

– Буду, – кивнула Лизонька.

Ляля вся скривилась.

— А ты рожи не криви, не хочешь, не ешь, а ребенку нужен белок. Растут они от этого, — шикнула Авдотья на Лялю. — Здесь и так есть нечего, только губы марасть.

Ляля с ней спорить не стала, да и надо сказать, Нина ведь спасла ее от смерти, поймав змею. А то бы укусила она Лялю и та умерла в этой маленькой заброшенной, позабытой всеми деревушке.

После ужина Василич пошел топить баню.

— Эх, не помыли бак в душе. Лучше бы им занялись, чем этим огородом. Завтра все болеть будет, — устало сказала Авдотья, — Да и что-то я передумала что-либо сажать. Будем у Василича урожай брать. Лучше ему с огородом поможем.

— Вот и правильно, — согласилась Ниночка, — А то папка меня заставляет траву полоть, да растенья поливать. А воду ведь приходится таскать ведрами. Мне хоть меньше работы будет.

— А у вас есть водопровод? — спросила Ляля.

— Колодец у нас есть, — ответила Ниночка, — На участке.

— А у вас? — спросила Ляля Авдотью.

— А у нас колодец на улице. Вот возьму бидон на двадцать литров, поставлю его на тележку и волоку на себе до колодца. Там ведрами наберу бидон и тащу его обратно сюды. Сегодня вот Василич нам в баню воду натаскает. Еще вот летом в бочку дождевую воду собираю, чтобы руки там помыть или посуду сполоснуть.

– Ясно, – вздохнула Ляля.

Приемник то работал, выдавая популярные хиты прошлых лет, а то противно шуршал. Удивительно, что не было болтовни ведущих и рекламы. Хотя, может, и были какие передачи и рекламные объявления, когда он начинал шуршать.

– Плохо ловит, – покачала головой Ниночка. – У меня дома много пластинок разных, там и песни, и спектакли, и сказки. Приходи к нам, послушаем.

– Хорошо, – кивнула Ляля.

Помылись в бане по очереди. Ляля намыла маленькую Лизоньку и сама с себя смыла события прошедших двух дней. Ей как-то сразу полегче стало, и прошлая жизнь показалась ей далекой–далекой.

После бани пили чай из самовара, ели варенье вприкуску с печеньем, которое принесли дед Василич и Ниночка.

– Ну всё, гости дорогие, пора и честь знать, – сказала Авдотья, поднимаясь со своего места.

– Завтра приходим огород копать? – спросил ее Василич.

– Нет, ну его. Завтра будем мыть бак душевой и воду таскать для него.

– Ну, тогда до завтра. Спокойной вам ночи, – произнес дед, вставая со скамейки. – Идем, Ниночка, проводим Акинишну до избы.

– Угу, – кивнула Ниночка, зевая во весь рот. – Пошли, бабушка.

Она подхватила ее под руку. Соседи вышли за калитку, и

Ниночка зычным голосом затянула какую-то песню.

– По Дону гуляет, по Дону гуляет, по Дону гуляет казак молодой.

– Ох, какой голосища, – вздохнула Авдотья. – Ей бы в артистки пойти, да кто же ее возьмет.

Они с Лялей и Лизой стояли и слушали, как поет Ниночка на всю округу.

– Хорошо, душа радуется. Хороший сегодня день был, – улыбнулась Авдотья.

Они убрали всё с уличного стола и ушли в избу.

Глава 5 Болтливая Ниночка

Утром Лялю разбудил громкий стук в окно. Кто-то тревожно барабанил по стеклу. Из-за печки быстро выскочила Авдотья и кинулась к окну. Она отодвинула занавеску и тихонько стала на кого-то ругаться.

– Ты чего заполошная с утра пораньше вскочила?

– Лялька пусть выходит, я жду ее, – слышался капризный Ниночкин голос.

– Ляля спит еще. Куда вас в такую рань несет? Шесть утра только.

– Уже шесть утра, – ответила Нина. – И так поздно. На рыбалку пойдем.

Ляля тихонько встала с дивана, чтобы не разбудить дочь. Она подошла к окну.

– Лялька, идем на рыбалку, – обрадовалась Ниночка, помахав ей ведром, – Я червей накопала, перловку замочила, мотыля наловила, идем.

Ляля посмотрела на Авдотью. Та пожала плечами, дескать, сама с ней разговаривай. Лиза недовольно засопела на диване и стала ворочаться.

– Она же всех поднимет, – виновато сказала Авдотья.

– Ладно, сейчас выйду, только не шуми, – ответила Ляля Ниночке.

– Ты кофтенку только какую-нибудь надень и сапоги ре-

зиновые. Сейчас я тебе сетку для рыбы дам и ножик, и завтрак с собой соберу, – суежилась по дому Авдотья.

– Я хотела опять на остановку сегодня пойти, а то Витя за нами приедет, а нас там нет.

– В шесть утра он точно за вами не приедет, а до десяти–то вы вернетесь. Не переживай, Ниночка долго на одном месте усидеть не может. Через час ей надоест рыбалка, и вы вернетесь. Может, на ушницу чего поймаете, а может, и на пожарить. Все же мяско надо есть иногда.

– Ладно–ладно, – кивнула Ляля.

Она быстро оделась и посмотрела на спящую дочь.

– Не переживай, я за ней присмотрю, – сказала Авдотья, – Кофтенку чего не надела?

– Нет ее у меня, – помотала головой Ляля, – Я только некоторые Лизонькины вещички взяла и всё.

– Ладно, у меня есть. Моднявая.

Авдотья достала из шкафа олимпийку фирмы «Адидас» и протянула ее Ляле.

– Ну что ты так смотришь? Бери. Не помню, от кого осталась, я ее постирала да повесила в шкаф.

Ляля поблагодарила бабульку, натянула на себя олимпийку, схватила хлеб, завернутый в желтую бумагу, сетку и сунула в карман нож.

– Смотри, стрекоза, только ножик не потеряй, он трофейный, от отца мне достался, – сказала Авдотья.

– Постараюсь, – кивнула Ляля.

– Старайся, – улыбнулась бабушка.

На лавке сидела Ниночка в ярко–желтом комбинезоне, зеленой водолазке, ярко–красных резиновых сапожках и соломенной шляпе. Рядом стояли обычные удочки и ведро.

– Ох, как светофор, – не удержалась Ляля.

– А что такое светофор? – спросила Ниночка, хлопая ресницами.

Ляля посмотрела на нее с удивлением и стала терпеливо объяснять. Ниночка с серьезным лицом ее слушала, а потом не выдержала и рассмеялась.

– Ой, ты правда поверила, что я не знаю, что такое светофор? Я про него в книжке про дядю Степу читала. Правда, никогда не видела.

– Вот шишиги, расшумелись тут, а ну быстро отошли от окна. Дитенка мне сейчас разбудите, – громким шепотом заругалась на них в форточку Авдотья.

– Бери удочку и пошли, – сказала Ниночка Ляле.

Они взяли свои снасти и вышли за калитку.

– Тут речка недалеко, и еще озеро есть. На озере можно сома поймать, или он нас поймает, – сказала Ниночка.

– Я не умею ловить рыбу, – вздохнула Ляля, – И вообще, мне кажется, это мужское занятие.

– Я тебя научу. Папа говорит, что у доброго умения нет разделения на мужское и женское. Раньше мы с папкой на рыбалку ходили, а теперь он редко когда выбирается. Говорит, далеко ходить – ноги болят. А я люблю рыбалку, – ще-

бетала Ниночка. – Вот только мне ходить не с кем было, а одну меня папка не пускал. Теперь с тобой будем. Рыбки наловим на всю зиму.

– За мной Витя приедет и нас заберет, – сказала Лиза.

– А кто такой Витя? – спросила Ниночка.

– Это мой, мой, – Ляля пыталась найти подходящее слово, – Это мой парень. Мы хотели пожениться, но вот бабушка умерла, и он меня привез к своим родным. Но видно, деревней ошибся, и вот я здесь оказалась.

– А зачем он тебя сюда привез?

– Ну, он посчитал, что не время пока знакомиться с его родными.

– Он тебя бросил? – спросила Ниночка.

– Нет, не бросил, просто так сложились обстоятельства.

– Если я кого-то или что-то люблю, то я не хочу с ним ни на минуту расставаться, и всем хочу рассказать, что я его люблю, – сказала Ниночка, – Вот только я маму люблю, но я с ней не могу видаться, потому что ее на небо Боженька забрал. Но она за мной приглядывает. Вот поэтому мы с ней не можем встретиться, а то бы вместе жили и не расставались.

– Ну, у Витюши такие родные.

– Значит, они его не любят. Потому что когда кого-то любишь, ты его любишь всего и не заставляешь выбирать, – покачала головой Ниночка.

Ляля нахмурилась и решила, что не стоит больше говорить на эту тему.

– А к вам кто–нибудь еще приходит или приезжает в деревню? – спросила она.

– Иногда приходят или приезжают, а потом уходят, – пожала плечами Ниночка.

– Куда уходят?

– Ну не знаю, домой, наверно, а может, как мама, к Боженьке на небеса.

Ляля вдруг остановилась и испуганно посмотрела на Ниночку.

– Ты чего встала? Комарики зажрут, если стоять на одном месте, и мошка накасает, – удивленно посмотрела на нее Ниночка.

– Как это на небеса уходят?

– Ну так, лег, глаза закрыл и вроде спит, а душа у него уже с боженькой разговаривает.

– Ничего не понимаю, – тряхнула головой Ляля, отгоняя от себя мошку.

– Это ты тогда Авдотью спроси или папу. Они тебе лучше объяснят. У нас как–то лихие люди в деревне побывали, и все избы пожгли, и папу избили. А потом мы проснулись, и всё целое, и мы живые. Папа тогда сказал, что мне страшный сон приснился. Но у меня ведь так потом горло болело, я кашляла много, и в носу черные сопли были.

– Наверно, всё же тебе это приснилось, или ты заболела, и в бреду тебе всё это привиделось. При высокой температуре такое бывает, – сказала Ляля.

– Не знаю, мы, когда проснулись, к нам в деревню парень хромой приходил, оборванец. Папа его лечил. Вот.

– А потом что с парнем стало?

– Он ушел, – кивнула Ниночка.

– Как?

– Ну как уходят? Ногами, конечно. А потом целая семья была. Авдотья сказала, что это табор. Цыгане, женщина и много ребятишек. Они вроде от кого-то бежали. Немного пожили у нас, и их забрал русский мужчина. Любовь у них случилась. Я вот тоже так хочу, чтобы пришел принц и забрал меня жить во дворец, – мечтательно сказала Ниночка, – И чтобы любовь была, и детишек много, и я вся такая красивая в белом платье. Ой, вот и пришли. Давай себе местечко выберем. Тут окушка много, может, и леща поймаем или подлещика.

Ниночка аккуратно поставила снасти и вытащила из зарослей небольшой пенек.

– Иди, возьми себе тоже. Это папка еще давно напил, чтобы нам с ним стульчики с собой не таскать. Мы раньше с ним и на ночную рыбалку ходили, и сетями ловили. Мальков солили, вкусные, как килька. Ой, Авдотья умеет такую рыбу делать, как в консервах. У нее такая штука есть, как кастрюля. Она ее на печку поставит, крышку завинтит, и всё готовится несколько часов.

Ниночка всё болтала и болтала, а у Ляли из головы не выходили ее истории с людьми, которые приходили к ним в де-

ревню и уходили непонятно куда.

– Ты чего встала, как вкопанная? – из мыслей ее выдернула Ниночка. – Кого увидала на реке? Русалку или водяного?

– Да так, люблюсь, – ответила Лиза.

– У нас Акинишна как-то ходила топиться. Не утопла, папка ее выловил. Она поспала немного, а утром проснулась, – сказала Ниночка, – Ты червячка бери и на крючок насаживай, только поплюй на него сначала. А потом берешь вот так удочку, раскачиваешь и забрасываешь крючок. Я как-то удочку так кинула, так папке пришлось за ней плыть. Хорошо, что они пустые внутри, бамбуковые, быстро не тонут.

Она забросила удочку, уселась на пенек, замолчала и замерла. Ляля сделала то же самое. Стало тихо. Конечно, не совсем тихо, шумела природа, пели птицы, слышались всплески воды, надоедливо зудели комары, но Ниночка умолкла. Через несколько минут у нее стало клевать, и пошла рыбка. Она вытягивала одну за одной, словно кто-то там снизу под водой их подавал и привязывал к крючку. Ниночка оказалась азартной барышней. Ляля же поймала всего три карасика, и рыба ее особо не жаловала.

– Просто ты не видишь, что у тебя клюет, – сказала Ниночка, – Они у тебя всего червячка объедят и ловиться не хотят.

Через час Ниночка, наловив приличную горку рыбы, заявила, что она устала и ей это надоело.

– Давай перекусим, почистим рыбу и пойдем домой, –

предложила она Ляле.

– Я согласна, – кивнула Ляля.

Ниночка достала из авоськи большой бумажный сверток и развернула его. Там лежали ломти хлеба, два яйца, несколько маленьких огурчиков, мытая редиска и что-то в фольге.

– Это картошка отварная, – пояснила она, – Папка мне сварил утром.

– Мне бабушка тоже что-то собрала, – сказала Ляля.

Она развернула свой сверток, там лежал хлеб, свежие огурцы и редиска.

– Всё давай есть, – кивнула Ниночка, – Давай всё сложим в одну кучку. Бери отсюда, что хочется. А еще у меня вот что есть.

Она вытащила из авоськи литровую банку с квасом. Ляля с удивлением на нее посмотрела, но говорить ничего не стала, у каждого свои причуды, может, им так нравится.

Девчата ели, и Ниночка рассказывала, как они с отцом ходили на рыбалку, и как они с ним что ловили, и что обязательно нужно сходить на сома, и за щукой в затон, и что у них есть лодка. Она не замолкала и говорила, говорила, говорила, даже когда жевала, то продолжала говорить. Ляля толком ее не слушала, только кивала головой.

– Ты чистить рыбу умеешь? – выдернула ее из своих мыслей Ниночка.

– Конечно, – кивнула Ляля.

– Ага, вот это мы почистим, а вот это мы отнесем сушить-

ся. Вяленая рыбка очень вкусная.

В одной руке она держала картошку, а другой рукой сортировала рыбу.

– Руки испачкаешь, – заметила Ляля.

– Помою, – ответила Ниночка.

После завтрака они перечистили всю отложенную рыбу.

– А теперь можно и скупнуться, – сказала Ниночка, – Только не здесь. Тут берег плохой, илистый. Чуть дальше есть пляж, там песок и галька.

– Прохладно еще, – сказала Ляля, – Простыть можно. Вода не нагрелась.

– Ты прямо как мой папка говоришь, – надулась Ниночка, – Днем тогда сбегает, когда жарко станет.

– Угу, – кивнула Ляля.

Они собрали свой улов и направились в деревню. Ниночка опять болтала о всякой ерунде, о рыбе, огурцах, помидорах, удивлялась на птичек, бабочек и любовалась на цветы. Ляля только поддакивала. Около калитки Авдотьи они остановились. Ниночка отдала половину почищенной рыбы Ляле.

– Вот, держи. Нам все равно много. Авдотья, может, уху сварит или рыбу пожарит.

– Спасибо, – улыбнулась Ляля.

– Еще увидимся. Ох, ты и болтушка, Ляля. Я аж устала от твоей болтовни, – сказала Ниночка и побежала домой.

Ляля удивленно пожала плечами и зашла во двор.

Глава 6 Не пуцу

Полетели дни за днями. Жизнь потекла неспешным ручейком. Ляля с Ниночкой то ходили на рыбалку, то выливали сусликов на огромном поле, то ставили силки на уток, куропаток и зайцев. Ниночка, несмотря на свои умственные способности, имела отличные охотничьи навыки. Этому же обучала Лялю, которой поначалу было жалко птичек и животных, но, посидев несколько дней на постной пище, поняла, что без мяса прожить очень сложно.

Ляля по-прежнему ходила на остановку практически каждый день. Сначала она брала рюкзак с собой, а потом стала ходить без него. С каждым днем надежды на то, что ее заберет Витюша из этого забытого всеми места, становилось все меньше. Но она все еще верила в его порядочность, ведь они никогда с ним не ругались, жили в мире и ладу. Витя никогда не говорил, что Ляля ему надоела или что у него есть кто-то другой. Наоборот, радовался, когда приезжал к ним, и печалился, когда расставались. Он писал ей такие красивые сообщения каждый день, а теперь пропал, не звонит и не пишет.

Она все больше и больше тревожилась, в голове бродили беспокойные мысли. Душа рвалась от тревоги на части. В мыслях постоянно всплывали разные страшные картины. То ей казалось, что он пробил где-то колесо и его убили злые

люди, то он перевернулся на машине и лежит в коме в больнице, то попал в аварию и умер, или у него отшибло память, а то вообще представилось, как его кости обглаживают голодные звери. В последней картинке обязательно присутствовал кабан, волк, медведь и даже лось. Почему именно лось, Ляля не смогла бы ответить, наверно, потому что он большой и страшный.

Все ждали, когда к ним в деревню приедет автолавка. Ляля тоже ждала этого события. С одной стороны, она хотела выбраться из деревни, а с другой не знала, куда им с Лизонькой податься. Ведь у нее никого не было, кроме Витюши, а с тем, по всей видимости, что-то случилось, раз он не выходил на связь.

Периодически Ляля вспоминала родителей, но она даже не знала, живы они или нет. Связь с ними оборвалась тогда, когда она матери сообщила, что ждет ребенка. Тогда мать ее обозвала всякими нехорошими словами заплетающимся языком и сообщила ей, что у нее теперь нет дочери. Ляля разрыдалась и бросила трубку, и с тех пор больше не звонила им и не узнавала, как они там живут. Тех тоже не интересовала судьба дочери. При воспоминании о них она поморщилась.

Здесь ее пока никто не гнал, так что Ляля предпочла бы жить в деревне, чем находиться рядом с пьющими родственниками, прозябающими в синей яме. Хотя, может, они перестали пить и взялись за ум, и может, даже ищут ее? Она

решилась набрать номер телефона матери. Долго никто не брал трубку, затем динамик щелкнул.

– Алло, – она услышала незнакомый женский голос.

– Алло, – с удивлением ответила Ляля.

– Я вас слушаю, говорите. Что вы хотели?

– А Аля, Алевтина. Я могу ее услышать? – растерянно спросила Ляля.

– Здесь нет никакой Алевтины. Вы, наверно, ошиблись номером, – ответил уставший женский голос.

– Ну ладно, извините, – Ляля сказала расстроенным голосом.

– Это ваша родственница? – почему-то спросила женщина.

– Да, мама.

– Этот номер у меня уже два года.

– Мы с ней давно не общались.

– Почему? – удивилась случайная собеседница.

– Потому что я забеременела в пятнадцать лет, – ответила Ляля.

– И из-за этого она от вас отказалась?

– Наверно.

– А ребеночек у вас родился или...? – любопытствовала женщина.

– Родился, да, дочка, – улыбнулась Ляля.

– И она даже не знает, что у нее есть внучка?

– Скорее всего, нет.

– Ох, ну как же так, это же кровиночка твоя, как так можно?

– Я не знаю, – пожала плечами Ляля.

– Детонька, а как же у вас сейчас судьба сложилась? – спросила женщина с той стороны.

– Живу в заброшенной деревне.

– Как же так?

– Вот так.

Телефон вдруг зашуршал и отключился. Ляля с досадой посмотрела на него.

– Ну хоть я знаю, что он работает, – вздохнула она. – Интересно, мать жива или нет? А отец, что с ним?

Она вдруг представила, что в их квартире живут другие люди, сделан хороший ремонт, не воняет перегаром, канализацией, грязью и продуктами распада. Наверно, так все и есть, решила Ляля.

Она взяла Лизоньку за ручку и пошла от остановки по протоптанной ими тропинке.

– Мама, грибочки! – воскликнула Лизонька.

Почти все поле, по которому они шли, было усеяно белыми и синими шляпками грибов. До этого три дня шли дожди, и вот теперь воздух наполнился запахом свежей земли и грибов. Ляля, прожив три с половиной года в деревне у бабушки Гали, неплохо разбиралась в грибах. Та была заядлым грибником и как только наступала грибная пора, так сразу тащила Лялю с собой на тихую охоту.

– Это же шампиньоны и синяки, – обрадовалась она, – теперь у нас будут не только суп из перепелок, но и грибной супчик, и картошка жареная, и маринованные грибочки.

Она вытащила из кармана тряпочную авоську, которую ей всегда с собой вручала Авдотья, и трофейный ножик. Бабулька считала, что просто так гулять негоже, ведь по дороге можно набрать каких–нибудь полезных травок или ягод, или даже веток и коры деревьев. Так Ляля могла принести домой немного лесной ароматной мелкой клубники, или корешки и синие цветочки цикория, душицу и терпкую мяту.

Теперь она быстро срезала попавшие на дороге грибы и складывала их в сумочку. За несколько минут набрала полную авоську и, схватив Лизоньку за ручку, побежала домой.

– Ты чего заполошная такая? – спросила ее Авдотья, нарезая картошку для супа. – Витюшка за вами приехал?

– Нет, – помотала головой Ляля, – вот.

Она приоткрыла тряпочную авоську, и на бабушку Авдотью пахнуло грибным духом.

– Ох ты, батюшки мои, сколько набрала. Это где такое у нас водится?

– Там, на поле, около старой остановки, – махнула рукой в сторону Ляля.

– Вот счастье–то какое, – обрадовалась старушка, – сейчас мы в супец несколько грибочков кинем, да поджарочку сделаем. Я уж думала, что у нас сегодня пустой суп будет, а тут вот такая радость. А после обеда все вместе пойдем

собирать. Это же, наверно, и другие грибы повылезали. Ты тогда беги к Василичу с Ниночкой, зови их на обед, и Акинишну пусть они берут.

– Хорошо, – кивнула Ляля.

Она оставила Лизоньку с бабушкой и понеслась к соседям. Василич с Ниночкой ругались. Дед не хотел доедать вчерашние макароны, а Ниночка не желала ничего готовить. Обрадовались, когда их позвала Ляля на обед.

– Сейчас мы овощей на огороде нарвем и придем, – сказала Ниночка.

– Ага, и бери свои вчерашние макароны, может, на них кто позарится, – проворчал Василич.

– Их можно яйцом залить и съесть, – насупилась Ниночка.
– Они вкусные.

Они продолжили переругиваться. Ляля выскочила от них и побежала обратно домой. Авдотья уже почистила и пережарила часть грибов.

– А синенькие вкусные маринованные. А дождевики там были? – спросила она Лялю.

– Наверно, были, вот что вдоль дороги росло, то и собирала. Сумочка–то маленькая.

– Вот и хорошо, что ты пошла на свою остановку, а то бы без грибов остались.

– Так завтра все равно меня Ниночка куда–нибудь потащила бы, и на грибы бы наткнулись, – ответила Ляля.

– Ну то завтра, а то сейчас, – улыбнулась Авдотья. – Эх,

чего—то никак автолавка не придет, уже запасы муки к концу подходят, да и масла тоже, а их всё нет да нет.

— А если совсем не придут, то чего делать? — спросила Ляля, переняв тревогу у бабушки.

— Василич там кукурузы насажал на соседнем участке. Будем кукурузные лепешки печь. Не переживай, с голоду не помрем.

— А если почтальоншу попросить?

— И много она тебе на велосипеде своим привезет? — вздохнула Авдотья. — Она и так нам сюда то журналы какие-то везет, то газеты для растопки, то печенье и чай с консервами. Не надо нагружать бедную женщину мукой. Тем более, вот этих двух килограмм надолго не хватит.

— Она на велосипеде приезжает? — спросила Ляля, — А я думала пешком.

— Ага, как же пешком, тут километров пятнадцать, а можа все двадцать, ноги до колен сотрешь, пока до нас дойдешь, — кивнула Авдотья.

— Так может я тогда сама сгоняю на велосипеде в соседнюю деревню? — спросила Ляля. — У кого-нибудь есть велосипед?

Авдотья как-то посмотрела на Лялю.

— Не знаю, надо у Василича спросить. Я уже давно из этого возраста вышла, чтобы на велике гонять. Но мы тебя все равно не отпустим.

— Почему? — удивилась Ляля.

– Заблукнешь еще, и где тебя искать? Оставишь девчонку сиротой.

– Так я поеду вместе с почтальоншей, а обратно по памяти вернусь, – пожала плечами Ляля.

– А ты знаешь, куда она после нашего захолюстья едет?

– Обратно, наверно.

– Может и обратно, а может дальше, к таким же, как мы, никому не нужным. Да и обратную дорогу можешь толком не запомнить. Она–то сколько лет к нам ездит, уже каждую кочку знает, а ты дальше поля, остановки, да реки с озером никуда и не ходила. Так что не пущу я тебя никуда, а то вдруг не вернешься.

– Может меня обратно кто привезет, – стала спорить Ляля.

– А может и не привезет. Не помрем без муки. Приедет автолавка, куда она денется, – нахмурилась Авдотья.

Ляля тяжело вздохнула и вышла на улицу накрывать на стол.

– Чего такая смурная? – спросил дед Василич, заходя во двор.

– Бабушка меня в другую деревню не пускает.

– А чего тебе там понадобилось? – спросил он с удивлением, – ты скажи, может у меня чего есть.

– Так автолавка не едет, а мука уже заканчивается. Хотела за продуктами съездить.

– Чего переживать, приедет когда–нибудь. Запасы у нас

еще есть, не кончились, не голодаем. Так с такими охотницами и добытчицами разве голодным останешься? – улыбнулся он, – скоро вот первую картошку копать будем, а у нас еще старая в погребе не кончилась.

– А вдруг не приедет? – спросила Ляля.

– Вот как не приедет, так и думать будем. Нечего тебе в соседней деревне делать. Не доедешь, сгинеешь где–нибудь по дороге. Местность не знаешь. Дорог к нам нормальных нет, заплутаешь, и где тебя потом искать? У нас тут и зверь дикий водится, и болота есть, и овраги, повернула не туда, и всё – нет Ляльки, тю–тю. А девчонка твоя кому нужна будет?

– Так я хотела в ту сторону с почтальоншей поехать.

– У нее свой маршрут, – махнул рукой дед Василий.

Так Ляля и не смогла договориться с местными жителями, не захотели они ее в соседнюю деревню отпускать, побоялись, что не вернется, сгинет где–нибудь. Да и с велосипедом были проблемы. Хоть и имелись они в наличии, но были ржавые и в некоторых местах прогнившие.

Глава 7 Автолавка

Лялька уже успела сходить на свой пост – на остановку, когда приехала автолавка. Они подъехали к дому Василича и коротко посигналили. Дед с Ниночкой возились в огороде. Они всё бросили и побежали к автомобилю. Из кабины выскочила толстая тетка в старом засаленном халате и калошах на шерстяной носок. Макияж имела весьма бодрый и боевой – синие блестящие тени, ресницы – паучьи лапки и слегка размазанную ярко-розовую помаду. На голове у нее красовалась химия на пережжённых жёлтых волосах.

– Машка, чего привезла? – крикнул ей дед Василич.

– Жрачку тебе привезла, дед. А где все остальные? Померли что ли? – с усмешкой спросила грубым голосом продавщица.

– Кто помер, а кто живой. Ниночка сейчас остальных позовёт.

С водительской стороны вылез худощавый мужичок в голубой рубашке с длинными закатанными рукавами и в чёрных брюках. В отличие от своей спутницы на ногах у него были надеты приличные закрытые чёрные сандалии. Он вообще не выглядел как водитель автолавки, а смотрелся как человек, случайно попавший на эту работу. Он открыл старенький фургон и распахнул дверцы.

Василич сразу стал рассматривать разнообразные мешки

и коробки.

– А ну стоять, старый, куда своё жало засунул, – пренебрежительно сказала продавщица, отгоняя деда от машины, – Сейчас все придут, и мы будем устраивать тут аукцион.

– Какой такой аттракцион? – спросил Василич.

– Вот старый дурень, не аттракцион, а аукцион. Кто больше заплатит, тот продукты и заберёт, – мерзко рассмеялась она.

– Маша, прекрати, – одёрнул её водитель.

– А чего я такого сказала? Мне и пошутить что ли нельзя? Да и вообще надо как-то бизнес делать, а то так и будем по всем этим богом забытым местам ездить, – сердито ответила она ему.

– Так чего привезла? – спросил её дед, прищурившись.

– Муку привезла, масло, макарони, крупы чуток.

– Мясо, колбасу, сосиски?

– Ты видел, что на улице творится? Какая в пень колбаса с мясом и сосисками? Стухнет всё. Да и тебе старому уже такое есть вредно.

– Так я не себе, а девкам.

– Нинке что ли? Не померла ещё твоя полудурочная? – скривилась в улыбке Машка.

– Маша, – снова одёрнул её водитель.

– Чего тебе? Что заладил: «Маша, да Маша»? Твоя работа баранку крутить, а не следить за моими разговорами. Что хочу, то и говорю. Дед всё равно не обижается.

– А чего на тебя обижаться, ты же, как моя Ниночка, такая же, вот только злая, – усмехнулся Василич, – У той тоже иногда язык болтает всякую ерунду.

– Я сейчас уеду, и останетесь вы тут с голоду помирать, – огрызнулась Машка.

– Как ты без водителя уедешь? – усмехнулся Василич.

– Ладно, старый хрыч, бери, что надо. А то жара такая, а мы еще не всех объехали.

– Давай мешок муки, мешок макарон, масла десять литров, уксуса, соли, сахара. Крупа какая есть? Ты в прошлый раз нам гречку наполовину с мышинными какушками продала.

– Не нравится – сам сажай, – грубо ответила ему продавщица.

– Уже посадили, вон колосится, – махнул дед рукой на соседний участок.

– А от меня чего хочешь?

– Чего спрашиваю из крупы есть? – прокричал он.

– Рис, горох, фасоль, гречка, пшёнка, ячка, манка.

– Давай всего по чуть-чуть.

– И даже гречку?

– Угу, тока фасованную, а не вешанную, как в прошлый раз.

– У меня по пять килограмм всё расфасовано, – ответила она ему. – Деньги-то есть?

– Есть, – кивнул дед, – Кансерву какую привезла?

– Тушёнка есть. Брать будешь?

– Буду.

– У меня всего двадцать банок. Остальное вашим соседям продали.

– Маловато, конечно, – вздохнул дед.

– На месяц не хватит что ли? – она на него посмотрела с удивлением.

– А вдруг ты приедешь не через месяц, а через три?

По дороге бежали Ниночка, Ляля, Авдотья с тележкой и ковыляла Акинишна со старой детской коляской.

– Это еще что у вас за молодка появилась? – спросила Машка.

– Да вот, приبلудилась.

– И сколько она у вас уже живет?

– Больше месяца, – ответил дед.

Продавщица с водителем переглянулись.

– Я тебе говорил, что ехать надо, а ты мне – это все твои дурацкие предчувствия. А если бы они тут с голоду померли? – спросил ее водитель.

– Петька, не бухти, пообвыклась девка, пообтерлась. А с едой у нас проблем не было, с прошлого раза кое–какие запасы остались, – ответил Василич, – Да и не зимой появилась, а в лето, да и баба молодая, а не старуха древняя.

– А чего ее к нам занесло?

– Да дружок ейный посадил ее с дочкой в наших глухих местах, да слинял. Думал, что они тут заблудятся да помрут,

а не угадал.

– Так она еще и с ребенком? Сама еще ребенок, – покачала головой Машка.

К машине подбежали запыхавшиеся жительницы деревни.

– Ой, Машенька, как ты хорошо выглядишь, – всплеснула руками Авдотья, – Прямо цветешь и пахнешь.

– Чей–то пахнешь, – понюхала свой халат Маша.

– Я тебе говорил, что помыться надо, а то воняешь, – усмехнулся водитель.

– Иди ты к лешему, – послала она его. – Бабка Авдотья, чего брать будешь?

– А чего есть, того и возьму.

– Новую жиличку к себе взяла? – спросила продавщица, кивнув на Лялю.

– Взяла, не пропадать же девке с ребятенком, – кивнула Авдотья, – Изба у меня хоть и не большая, да все поместились.

– Ну–ну, – криво усмехнулась Машка, – Ладно, хватит трындеть, давайте торговать.

Она вытащила из кабины машины толстую тетрадку и открыла запись с ценами. Продавала, записывала, забирала деньги, запихивая их пухлыми пальцами в карманы халата. Ляля терпеливо топталась около Машки.

– Чего трешься? Чего надо? Шампунь, игрушку, тряпку какую? – подняла на нее глаза продавщица. – Или космети-

ку?

– Да я хотела вас спросить. Вы нас до города не подбросите? – спросила Ляля.

– Детка, мы похожи на такси? – с удивлением спросила ее Маша.

– Ну нет, конечно, – Ляля смущенно опустила глаза. – Но может, вы нас довезете до какого-нибудь населенного пункта?

– Милая, мы ездим там, где общественный транспорт не ходит.

– Ну может, будете проезжать мимо большой деревни, – с надеждой посмотрела на нее Ляля.

– Может, будем, а может, и не будем, – пожала плечами Маша, – Все зависит от скорости и от покупательской способности. Вот сейчас вы у нас все раскупите, и поедем мы обратно домой, или дальше рванем остатки распродавать. Да и вообще, куда мы тебя посадим? Ты кабину нашу видела? Там два кресла – водительское и пассажирское. На колени ко мне или к Петьке сядешь? – с усмешкой спросила она Лялю.

– Ну может в фургоне?

– Ты дороги наши видела? Убьешься там. Слышь, Петька, она в нашем фургоне ехать собралась, – со смешком в голосе сказала Маша.

– Не повезу я вас в фургоне, – помотал головой Петр, – Я что, сам себе враг? Не дай боже что с вами по дороге случится, а я отвечать буду. Даже не проси.

– Ну может я не знаю, – Ляля расплакалась.

– Купи лучше дочке куклу или платье красивое, или вон кулек карамелек, – сказала ей Маша.

Она с жалостью посмотрела на нее.

– Ляля, ну чего ты там около Машки торчишь? Помоги старухе, – окликнула ее Авдотья.

– Сейчас, бабушка, – вытирая слезы, ответила Ляля. – Может у вас там какой водитель найдется, чтобы меня довезти до города?

– А рассчитывать ты чем будешь? Ты представляешь, сколько стоит будет эта поездка? Деньги–то у тебя есть? – прищурилась продавщица и оценивающе окинула взглядом девушку. – Сейчас этим делом мужика не возьмешь, все хотят деньгами.

– Нет, – мотнула головой Ляля.

– Ну вот и иди, помоги бабушке, – махнула на нее рукой Маша.

Ляля развернулась и поплелась к Авдотье, которая пыталась устроить несколько небольших мешков на тележке.

– Ну и чего ты разнюнилась? – спросила ее бабушка.

– Не хотят меня брать в большую деревню, – шмыгнула носом Ляля.

– Уехать хочешь?

– Хочу, – кивнула Ляля.

– А есть к кому?

– Нет, ну может Витюшка рад будет нас видеть.

– Вот дался тебе этот твой Витюшка, – нахмурилась Авдотья. – Бери тележку и потащили. Я Лизке пупса купила и конфет, и тебе кофту красивую.

– Бабка Авдотья, – окликнула ее Маша.

– Чего?

– Придешь еще чего покупать?

– Нет, в следующий раз и так почти всю пенсию тут оставила. Цены у тебя сумасшедшие, – ответила Авдотья.

– А мне все прямо даром достается, – хмыкнула Маша.

– Спасибо тебе за то, что не забываешь нас. С голоду бы померли без твоей автолавки.

– Ну вот, а то все Машка вам плохая, – проворчала продащица, подбивая финансы и остатки товара.

Через двадцать минут они свернули свою автолавку и погнали дальше в такой же забытый всеми уголок. Лялька тащила вместе с Авдотьей тележку и не стесняясь ревела, вытирая тыльной стороной кисти мокрые щеки.

Глава 8 Цветы на могилку

На улице снова шел дождь, и Ляля с тоской смотрела в окно. Авдотья сегодня не пустила ее на остановку.

– Делать нечего. Ливень такой, промокнешь еще и простынешь, – сказала она ей. – Вон дед Василич притащил целое ведро огурцов. Давай посолим или замаринуем.

Бабушка вытащила из буфета старенькую тетрадку и стала перебирать записи, ища нужный рецепт. Ляля вздохнула и написала очередное сообщение Виктору. Потом набрала его номер и слушала длинные гудки. В телефоне что-то щелкнуло, и ей ответил раздраженный мужской голос.

– Витя, Витя, Витюшка, – обрадовалась Ляля, вскочив со своего места и выбежав в сени, чтобы можно было спокойно поговорить с ним.

– Чего тебе? – зло спросил он. – Что ты мне все названиваешь и пишешь? Достала уже со своими сообщениями.

– У тебя что-то случилось? – растерянно спросила она.

– От тебя одни проблемы, – ответил Виктор.

– Почему? – удивленно спросила она. – Я просто хотела, чтобы ты нас отсюда забрал.

– Из густого леса? – с усмешкой спросил он.

– Нет, тут деревенька заброшенная. Мы здесь живем у чужих людей. Хотелось бы выбраться отсюда и к тебе вернуться, – растерянно сказала Ляля.

– Куда ко мне? Ты что, совсем глупая? Ты не поняла, что я женат? Давно, между прочим, женат. Я тебя к бабке Гале свез, чтобы проблем никаких не было у меня, чтобы не посадили. Померла она, и девать мне вас теперь некуда. Устроилась там, так и живи, пока добрые люди не погнажи.

– Но как же, ты говорил, что везешь меня к родственникам, и жениться на мне обещал, – заплакала Ляля.

– Мало ли я что обещал, чтобы у меня проблем не было, – зло ответил он.

– Вот приедет автолавка, и я вернусь в город, и вообще так нечестно! – выпалила она. – И все твоей жене и другим родственникам расскажу.

– Ну–ну, не звони мне больше и не пиши, – зло ответил Виктор и бросил трубку.

Он сидел за столом на работе и таращился на экран телефона. И ведь приедет же Лялька и испортит ему жизнь. Он, может быть, и развелся со своей женой и жил бы с Лялей и Лизонькой, но тесть его имел крутой нрав и мог реально где–нибудь Виктора прикопать. Ему ужасно не хотелось проблем. Когда он первый раз вывез Лялю с Лизой, то не знал о том, что там есть какая–то деревня, на карте ничего такого не было. Он их просто оставил в глухом месте в надежде, что они заблудятся и никогда больше не появятся в его жизни. Но его планы провалились. Теперь Лялькин силуэт замаячил на горизонте и грозился разрушить его благополучие.

Он открыл навигатор, нашел ту самую точку, куда привез

Лялю с Лизой, задумчиво посмотрел на карту, но деревню там не обнаружил.

– Может, стоит несколько домишек, даже название им не присвоили, – подумал он.

Виктор направился к директору и отпросился у него, сославшись на свое здоровье. Он завел автомобиль и направился за Лялей и Лизой, чтобы они ему больше никогда не доставляли хлопот. Звонить он ей не стал, пусть будет неожиданным сюрпризом. Заехал в магазин, купил любимых Лялькиных конфет, игрушку Лизе, каких-то вкусностей, взял небольшой букетик цветов. В голове промелькнуло – на могилку. Витя прекрасно знал, что Ляля быстро отходит от обид и когда увидит его, то простит все жестокие слова.

– Погода, правда, подкачала, – подумал он, – Но, может, это даже к лучшему, потом все следы смоем ливень.

Два с лишним часа он добирался до места, ругая себя, что в первый раз не сделал всё, как положено, но тогда у него рука не поднялась на Лялю с Лизой. Он решил отдать их на растерзание дикому зверю, но не подумал, что рядом может оказаться какое-то жильё, и девочки найдут там приют.

Сначала он ехал по асфальту, затем свернул на гравийку, а потом оказался на еле заметной среди травы дороге. Земля кое-где уже подрастала, и пришлось сбавить скорость, чтобы не завязнуть. Теперь он уже ругал себя, что поддался первому импульсу и рванул по такой погоде за Лялькой.

– Никуда бы она не делась, – бормотал Виктор себе под нос.

Он проехал несколько километров по полю и въехал в лес. Там дороги уже не было.

– В прошлый раз всё было по-другому, – стал он озираться, – Заблудился что ли?

Посмотрел на экран навигатора, тот упорно ему показывал, что нужно проехать еще несколько километров.

– Что же делать? Повернуть обратно или дойти пешком?

По его стеклу кто-то постучал костяшками пальцев. Виктор поднял глаза и увидел деда в одноухой шапке и старом плаще. Он опустил стекло.

– Чего тебе, дед? – спросил раздраженно Витя.

– Ты чего заблукал? – улыбнулся голыми дёснами дед.

– Ну так. Я в прошлый раз ездил тут, дорога была, а теперь не видать ничего, всё заросло.

– Так давно тут никто не ездит, – ответил дед.

– В прошлом месяце я здесь был, – упрямо посмотрел на деда Виктор.

– Ну вишь, дороги теперича нет. Ты куда ехал-то, милоч?

– Да тут деревенька должна быть.

– Есть только наша. А ты к кому?

– Подруга у меня тут живет с девочкой.

– Так это, наверно, Лялька, – кивнул дедок, – Идем, мы тебя проводим.

– Мы? – с удивлением спросил Витя.

– Мы с дочкой здесь грибы собираем.

– В такую погоду?

– Хорошая погода, – отмахнулся от него дед. – Как раз для грибов.

– Значит, вы меня проводить можете? – уточнил он.

– Конечно.

– Вот и хорошо, хоть и искать не придется, – вздохнул Виктор, – Правда, идти придется под дождем, не помру.

Он собрал все свои пакеты, цветы и вышел из машины. Под деревом стояла полная баба в ярком желтом плаще с корзинкой в руках и глупо улыбалась.

– Это Ниночка – дочка моя, – пояснил дед.

– Угу, – кивнул Виктор. – Плевать, как вас всех зовут, – подумал он, – Главное, до деревни добраться.

Витя посмотрел на деда, тот вышагивал по мокрой грязи в валенках.

– Дед, а ты чего в валенках–то? – спросил он его.

– Так у меня ноги мерзнут, больные. Я вообще из деревни не выхожу. Вот тебя почуяли и решили встретить, – ответил ему старик.

– Не понял, в смысле почуяли?

– Так ты Ляльку с Лизонькой приехал убить, – сказала Ниночка и глупо улыбнулась.

– С чего вы взяли? Забрать я ее хочу домой, женюсь, семьей жить будем, – возмутился Виктор, тороплива вышагивая за провожатыми.

– Это ты глупой Ляльке можешь рассказывать, – хмыкнул дед, – А нас не проведешь. Кстати, мы пришли уже. Ты пакеты–то отдай Ниночке, а цветочки можешь себе оставить. Как ты там сказал? На могилку?

– Вы чё, вы чё, – заметался Витя по покрытой яркой зеленью поляне.

Ниночка отставила в сторону корзинку, подошла к нему и вырвала из рук пакеты. Под ее ногами чавкала земля, а вот под Виктором она начала проваливаться. Болото с удовольствием втягивало в себя человека. Он с ужасом смотрел на деда Василича и Ниночку.

– Вы меня решили убить? – спросил он.

– Нет, ты сам сюда забрел и утоп, – ответил дед. – Нас нет, мы тебе мерещимся.

Мелкий дождик припустился, и с неба уже не просто лило, а хлестало водой.

– Пошли, – потянул дед Ниночку за руку, – И так ноги промокли, болеть потом будут.

Витька махал руками, пытался вытащить ноги, барахтался, но с каждым движением уходил в топкое болото все глубже и глубже.

– Помогите, – он посмотрел на них умоляюще. – У меня дети. А–а–а.

– Ты гнилой человек, – ответил Василич, – Такой папаша не нужен детям. Свою родную дочь хотел зверям на растерзание отдать. Бессовестный. Девчонку совратил, пополь-

зовался и выкинул, как ненужную вещь. А она, глупая, всё бегают на эту остановку, всё тебя ждет. Эх, дрянь ты, Витька! – махнул рукой дед.

– Что же вы за люди такие, а? – крикнул им в спину Витя.

– Человечнее тебя будем, – ответил дед и пошел вперед.

Болотная жижа громко чмокнула и утащила в свое лоно подлеца Виктора.

Ниночка с дедом пошли по еле протоптанной тропинке.

– Папа, а машину куда? – спросила она его.

– Пусть стоит, найдутся и на нее хозяева. Здесь все равно никто не ездит и не ходит, кроме нас с тобой, – ответил Василич, – Надо игрушку Лизоньке отдать. Да и с продуктами как-то неудобно получилось. Вроде это же все для Ляльки с Лизой.

– Поделимся, – пожала плечами Ниночка.

– Скажем, что у Машки купили, – кивнул дед Василич.

Они вышли из леса и направились в сторону деревушки.

Глава 9 Выживем

Ляля сидела в сенях и тихонько подвывала, вытирая катившиеся из глаз слезы ладошками. Она положила на лавку старенький телефон, который ей несколько лет назад подарил Витюша.

– Ну, ты чего тут сырость развела? – выглянула из дома Авдотья. – На улице дождь льет, и ты тут рыдаешь. Только мне Василич крышу законопатил, а у меня внутри опять вода.

– Меня Витюшка бросил, – с рыданием в голосе произнесла Ляля.

– И что, это теперь у нас повод огурцы не солить? – спросила бабушка.

Ляля, всхлипывая, помотала головой.

– Идем в избу, там Лизонька одна.

Авдотья аккуратно подхватила Лялю под руку и завела ее в дом.

– Мамулечка, ты чего плачешь? – бросила все свои игрушки Лиза и кинулась к Ляле. – Ты ударилась? Где болит?

– Сердце болит, – ответила Ляля, всхлипывая.

– Ну, давай я подую, и пройдет.

Лиза обняла Лялю и уткнулась ей в плечо.

– Не плачь, до свадьбы заживет, – гладила ее по щеке дочка.

После слов о свадьбе Ляля заревела пуще прежнего.

– Ну чего ты реवेशь? Будут еще у тебя мужуки лучше, чем твой Витюшка, – приобняла бабушка Лялю. – Радоваться надо, что такой гнилой человек от тебя отстал, а не отравил тебе всю жизнь.

– Бабушка, так он же меня любил, и Лизоньку любил. А сейчас сказал, что мы ему только проблемы доставляем, и что не нужны мы ему нисколько. А–а–а.

Ляля вытерла под носом и громко шмыгнула им.

– Ну, пугай ребятенка. Не нужны и не нужны, и он нам не нужен, и тьфу на него. Вот нашла по ком убиваться.

– Ну как вы не понимаете, бабушка Авдотья, нам теперь идти некуда.

– Чего это некуда. Стоит там твоя разваленная остановка, хушь дальше на нее ходи, хоть каждый день, хоть зимой, хоть летом.

– Я не в этом плане, а в том, что вы же не обязаны о нас заботиться, и в доме вашем мы уже сколько времени живем. Я–то думала, нас Витюша заберет, и жить мы с ним дальше будем семьей. Теперь нам нужно уйти от вас куда–то, вот только идти нам некуда. Нет ни дома, ни работы, ничего, и даже вещи забрать мы не успели, – плакала Ляля.

– Да я же тебя гоню, что ли? – спросила с удивлением Авдотья. – Живите, куда выход не найдется.

– Какой выход? – не поняла Ляля.

– Ну, такой, может, кто проездом мимо будет проезжать,

с ним уедете, или какая работа для тебя найдется в другом месте. Я вас не гоню, живите сколько нужно. Хотя тесновато у меня, но в тесноте, да не в обиде. Ты девочка добрая, работающая. Мне с тобой всё полегче с хозяйством управляться.

– Мы вас обедаем, – шмыгнула носом Ляля.

– Мама, мы не можем бабушку обедать. Она сырая, старенькая, жесткая и невкусная, – нахмурилась Лизонька. – И вообще она хорошая, не надо ее есть.

– Не будем, – помотала головой Ляля.

– Ну вот видишь, устами младенца глаголет истину, – сказала Авдотья. – Не реви, слезами горю не поможешь. Мы тут не голодаем. Вы вон с Ниночкой и на рыбалку, и на охоту ходите, и грибы с ягодой собираете. Много ли мы, старики, чего добыли, а так хоть с мясом живем. Не сегодня, так завтра пенсию принесут. Что-то в этот раз почтальонша наша задерживается. Но мало ли чего, может, заболела или еще что у человека произошло. К нам, кроме нее, никто и не пойдет на замену.

– Почему?

– Так далеко ходить, не все дорогу знают и найдут. Так что не плачь, выживем. И сердечко твое потихоньку заживет, ну что поделать, так бывает. Не все мужчины порядочные, и такие, как твой Витька, встречаются, а иногда еще и хуже. Вон Акинишну взяли и замуж выдали, и не спрашивали, хочет она за него замуж или нет. Отец продал ее, как скот, соседу, избавился от лишнего рта. А мужик оказался охоч до вина

да самогона, да как напьется, так бить ее начинал и насильничал. Выволочет ее голышом за волосы на улицу и возит ее в самой грязи.

– А как же соседи, родители там? – с ужасом спросила Ляля. – Как на такое смотрели?

– Никто не лез, считалось, что если мужик бабу учит, а попросту мучит, так значит, есть за что, – вздохнула Авдотья.

– Кошмар какой.

– Вот так. Как-то батюшка у нас по улице шел, а мужик Акинишну-то так любит, то кулаком в морду ткнет, то по ней поелозит. Взял тогда батюшка лопату и отходил бессовестного по спине, гонял его по всей округе. Мужик ейный так и бегал без порток по деревне. Хорошо, до него тогда слово божье дошло, больше на людях не безобразничал, да и пить стал меньше.

– И она так с ним и жила? Надо было развестись, – сказала Ляля.

– Да какой развестись, не принято тогда было разводиться. Да и куда ей идти-то? Родителям она не нужна, а больше никого и не было. Так что жила с ним, правда, недолго, угорел он в бане, заслонку забыл открыть. Опять, наверно, напился да уснул в бане, – ответила Авдотья и глянула в окно.

– И что потом?

– Да так вдовой всю жизнь и прожила.

– И замуж больше не вышла?

– После такого-то мужа? Нет, – помотала головой бабуш-

ка Авдотья. – И детей у нее не было после такой мужней «любви».

– Жалко ее, – вздохнула Лялька.

– Жалко, батька ей всю жизнь, считай, испоганил. Ну чего, голуба моя, пойдем огурцы жарить?

– Солить, – поправила ее Ляля.

– Можа и солить, и мариновать, и так есть, – кивнула бабушка.

После обеда к ним пришли Василич с Ниночкой, принесли немного грибов и пакет с конфетами к чаю. Лизоньке вручили плюшевого мишку.

– Откуда такая роскошь? – всплеснула руками Авдотья.

– Оттуда, – Василич кивнул в сторону леса.

– Да? – удивленно сказала.

– А то, – хмыкнул дед.

– Ох ты, – вздохнула бабушка.

– Угу, но ничего не поделаешь, вот так и бывает.

– Ну и черт с ним, – махнула рукой бабушка.

– Вот здесь я с тобой согласен.

Ляля как-то не вслушивалась в странный разговор Авдотьи с Василичем. Она радовалась вместе с Лизой новой игрушке.

– Ой, и конфетки мои любимые! – воскликнула Ляля. – Давайте чай пить.

– А давайте, – согласился Василич. – Мы там у Машки вчерась фруктов заморских купили, последнее забрали. По-

пробуем?

– Ваши фрукты, угостите, попробуем, – пожала плечами Ляля, уминая вторую конфету.

Она рассматривала фантики и перебирала конфетки в пакете.

– Они же такие дорогие. Бабушка Поля купит несколько штук и выдает мне по одной. Потом Витюшка мне их привозил.

Ее личико снова сморщилось, а на глазах появились слезы.

– Ты чего? – спросила Ниночка. – Зуб заболел?

– Угу, зуб, – вытерла слезы Ляля. – Все хорошо, сейчас пройдет. Спасибо вам за все.

– Дык мы же тут все друг за друга, – пожал плечами дед Василич. – Не реви. Сегодня дождь пройдет, смоем все печали и чужие следы, а завтра грибов в лесу будет видимо–невидимо. Наберем, насушим, насолим, все закрома забьем, переживем зиму. Чуть посуше станет, надо будет за дровами пойти в лесок, хоть валежника набрать. К зиме будем готовиться потихоньку. У Ниночки в гардеробе что–нибудь тебе на зиму поищем. Она же не всегда такая большая и красивая была.

– Я не толстая, – сказала Ниночка, убирая в сторону очередную конфету.

– Я и не сказал, что ты толстая, я сказал красивая, – ответил дед. – Поделишься с Лялей зимней одеждой?

– Поделюсь, – пожала плечами Ниночка. – У меня и осенняя куртка есть, и ткани много разной. Мама раньше шила. Я вот тоже умею на машинке строчить, а выкройки из журналов вырезаю. Мне папа помогает с раскроем.

– Угу, я все детали по ткани разложу, вырежу, а Ниночка все сама на машинке сошьет. Такая умница, – он с нежностью посмотрел на дочь.

– И еще принцесса, – кивнула деловито Ниночка.

– Самая настоящая.

– Только вот принц за мной никак не приходит. Я уже и лягушек на болоте целовала, а его все нет да нет. Только всякие нехорошие люди ходят туда–сюда, а принцев все нет. Хорошо, что у нас нехорошие люди не задерживаются, кто в болоте утонет, а кто и в реке, а на кого и дерево свалится, а кого и змея укусит ядовитая.

– Ниночка, хватит болтать всякое за столом, – на нее строго посмотрела Авдотья. – Ты лучше расскажи, как у тебя шить получается.

Ниночка отвлеклась и стала делиться с Лялей своими секретами шитья. Авдотья с Василичем вышли из избы в сени.

– Утопили его что ли? – спросила его бабушка.

– Сам в болоте утоп, – сказал дед. – Страшно это все же. Вроде перед тобой человек стоит, а на самом деле чудовище прожорливое. И все его мысли на лице написаны, как бы он не маскировался, все по нему видать.

– Жаль, конечно, девчонку, сколько ей еще с нами тут ку-

ковать, – покачала головой Авдотья.

– Всему свое время, – вздохнул Василич.

– Ты скажи Ниночке, чтобы лишнего не болтала, а то еще расскажет ей про болота.

– Да она вроде знает.

– Вот именно вроде, а все равно как начинает языком молоть – не остановишь. Хорошо, что Лялька такая невнимательная, да мало чего на веру берет, но кто ее знает, со временем какой станет, повзрослеет и будет ко всему прислушиваться, – хмыкнула Авдотья.

– Ладно, сделаю я Ниночке внушение, – нахмурился дед.

– Идем в избу, а то заметят, что нас долго нет.

Глава 10 Почтальонша

Ляля утром на следующий день по привычке уже собиралась идти на остановку, но вспомнила вчерашний разговор с Витей, снова вся сморщилась и расплакалась. Она вышла на улицу, чтобы своими слезами не тревожить Авдотью с Лизонькой. Не успела она за собой прикрыть дверь в избу, как почувствовала, что на нее кто-то пристально смотрит. Ляля подняла голову и встретила с пристальным взглядом какой-то женщины, которая стояла с той стороны забора, держась за руль велосипеда. Незнакомке было в районе пятидесяти лет. Темные кудрявые волосы, которых только коснулась седина, обрамляли строгое лицо. Между бровей залегла глубокая морщина. Одета женщина была в черный плащ, зеленые брюки и резиновые сапожки болотного цвета.

– Здравствуйте, – поздоровалась с ней Ляля.

Она немного смутилась под строгим взглядом незнакомки.

– Доброе утро. А Авдотья Никитична дома? – спросила незнакомка.

– Да, дома.

Ляля уже хотела позвать бабушку, как та открыла дверь и выскочила во двор.

– Галинка, мы уже не чаяли тебя увидеть, – всплеснула руками Авдотья, – Здравствуй, моя хорошая.

– Здравствуйте, Авдотья Никитична, – морщинка между бровей разгладилась, и женщина улыбнулась, – Да я тут немного приболела. Сама знаешь, никто в ваш медвежий угол идти не хочет. Замены для меня нет, я навечно ваша, – рассмеялась Галина.

– Ты чего там так за оградой стоять и будешь? Зашла бы, компота вкусного похлебала. Девки вишни много в этом году собрали. Мы и засушили, и компота закрутили.

– Да некогда мне у вас компоты с чаями распивать. Это твоя внучка? – спросила Галина, кивнув на Лялю.

– Скорей правнучка, – усмехнулась Авдотья, – Ладно, давай мою пенсию и беги дальше.

– Я тебе еще списанных журналов немного принесла. Да продукты кое–какие. Надо?

– Журналы надо, а продукты давай посмотрим. У нас давеча автолавка была, привезла нам многое.

– Всё также Мария с Петром ездят? – спросила Галина.

– Ага, – кивнула Авдотья.

– Вот надо же, как бывает. Машка–то сколько со своим мужиком промаялась, а счастье женское у вас в деревеньке нашла.

– Угу, а мужик ейный погибель нашел по дороге к нам.

– Ну что же, и такое бывает. Не пил бы перед этим пива своего, не приспичило бы ему до ветру идти, да и не пришибло бы его этим деревом. Хорошо хоть сразу насмерть, а не ду–рачком его сделало или хребет перебило, – вздохнула

Галина.

Она стащила со своего плеча рюкзак и принялась на лавку около забора выкладывать журналы и какие-то продукты. Также она достала ведомость, квитки и деньги, завернутые в бумажку.

– Вот, Авдотья Никитична, ваша пенсия копеечка к копейке. Распишитесь здесь и здесь, – Галина показала ручкой, где нужно расписаться.

Бабушка чиркнула по листку, сунула в карман фартука завернутые в бумажку деньги.

– А теперь показывай, что ты нам принесла, – сказала она.

– Вот сгущенка, шпроты, килька в томате, вот эти консервы очень хорошие. Есть еще шоколад, печенье, пакет с сушками, – Галина всё говорила, а Ляля стала рассматривать старые журналы.

Из стопки вытащила «Крестьянку» и «Работницу» за 1993 год.

– Ого, – с удивлением сказала она, – Какой раритет.

– Разбирали залежи на почте, – ответила Галина, – Теперь раздаем всем желающим. Кто почитать возьмет, а кто и на растопку.

– Ясно, можно и почитать, – кивнула Ляля.

– Там хорошие рецепты раньше были, – Авдотья выхватила один из журналов у Ляли из рук.

– Ну так что насчет продуктов? – спросила Галина.

– Я сгущенку возьму и шоколад девочкам.

– А рыбные консервы? – с разочарованием спросила почтальонша.

– У нас девки на рыбалку часто ходят. Так мы из мелкой рыбехи себе и кильку в томате организовали, и шпроты, и рыбу в масле, и ее же в луке с морковью и помидорами. И даже несколько баночек закрутили. Вот если бы у тебя тушенка была, то взяли бы, – ответила Авдотья.

– А чего печенье не берешь?

– Да ты же все равно к Василичу сейчас пойдешь. Ниночка любит такое. Я куплю, а им не достанется. А сушки Акинишне предложи. Она любит в чаю их мочить.

– Вот ты про всех помнишь, – усмехнулась Галина, – А Петровы?

– А Петровы не проснулись, – ответила Авдотья.

– Жалко их, хорошие старики были, – покачала она головой.

– Ага, и козы у них были. Хоть молоком нас баловали, – вздохнула бабушка.

Ляля продолжала рассматривать различные журналы и газеты. Лизонька вытащила «Веселые картинки» и стала их листать.

– Ой, мама, смотри, какие интересные куколки. Почему они такие странные? – спросила она.

– Это надо вырезать ножницами. Будет тебе и куколка, и одежда для них, – Галина глянула в журнал.

– А можно я это сделаю? – спросила Лиза.

– Конечно, – кивнула почтальонша, – Это теперь твой журнал, делай что хочешь.

– Бабушка, я возьму у тебя ножницы?

– Бери, – махнула рукой Авдотья. – И девчоночка такая махонькая, – сказала Галина, провожая взглядом Лизоньку.
– Ну вот так, – пожала плечами бабушка.

Ляля оторвалась от журнала и посмотрела на Галину.

– А вы не боитесь по лесу ездить одна? – спросила она.

– Раньше боялась, а теперь привыкла, – ответила женщина.

– Вы же с деньгами ездите, к тому же звери всякие бродят.

– Ну звери всё же пугаются человека на велосипеде, а на деньги пока никто не позарился.

– Ниночка говорила, что тут иногда лихие люди бродят.

– Но я пока с ними еще не встречалась, – улыбнулась Галина, – И надеюсь никогда не встретиться.

– А с вами можно пойти в ваш населенный пункт? – спросила Ляля.

– Зачем?

– На разведку. Мало ли что может понадобится, может, лекарства или врач, или еще что–нибудь.

– Так врача надо вызывать на дом, а не бежать за ним за 20 километров. Они на машине приедут, всё быстрее будет, чем ты ногами до нашего ФАПа доберешься. Лекарства мне можешь заказать, я привезу их в следующем месяце, или вон Машке позвони. Соберутся ехать, да и привезут всё, что

нужно.

– То есть вы меня с собой не возьмете? – спросила Ляля.

– У тебя велосипед есть?

– Нет, – помотала головой Ляля.

– Ну и как ты себе это представляешь? Я поеду на велосипеде, а ты побежишь за мной следом? Или мы пойдем с тобой прогулочным шагом, и, может быть, завтра к обеду доберемся до деревни? – с усмешкой спросила Галина, – А девочку с собой брать будем?

– Зачем? – удивилась Ляля. – Пусть тут остается.

– А если ты потеряешься, то кому она тут нужна будет? – спросила Галина, – Туда мы с тобой, положим, доберемся, а вот обратно тебе придется возвращаться самой, и не факт, что ты найдешь обратную дорогу. А на чужих стариков лучше не надеяться. Как обзаведешься велосипедом, так и поговорим.

Галина обратно сложила все свои консервы, оставив на лавке банку сгущенки и шоколад. Авдотья вытащила из кармана фартука какую-то купюру и сунула ее в руки Галине.

– Сдачи не надо, – сказала она.

– Что вам в следующий раз принести? – спросила почтальонша. – Может, горошек консервированный или кофе, или тушенки?

– Горошек вкусный и мягкий мы сами научились делать, а вот от тушенки не откажемся.

– Кофе?

– Ляля нам цикория накопила, он всё полезней, чем твой кофе. Сгущенку еще неси.

– Хорошо, – кивнула строгая Галина, – А тебе чего, принцесса, принести? – спросила она Лизоньку.

– Я не принцесса, это у нас Ниночка принцесса, а я просто красавица.

– Ну так чего тебе хотелось бы?

– Раскраску и карандаши, – ответила Лиза.

– Хорошо, будет тебе и раскраска, и карандаши, – улыбнулась Галина.

Она глянула на Лялю.

– Про какие ты лекарства говорила?

– Ну, может, парацетамол, от кашля что-нибудь, сироп какой, – пожала плечами Ляля.

– От простуды? – уточнила Галина.

– Да, а то вдруг кто из нас простынет.

– Хорошо, привезу. Ну всё, девочки-красавицы, побежала я дальше, надо засветло домой вернуться.

– Почему именно засветло? – спросила Ляля.

– Потому что, дорогая моя, в лесу фонарей нет, а в темноте легко заплутать, – ответила Галина.

Она попрощалась с ними, закинула свой рюкзак на плечи, села на велосипед и направилась в сторону дома Василича и Ниночки.

– Сейчас они ей весь рюкзак опустошат, – усмехнулась Авдотья, – И консервы все заберут, и печенья, и сушки Аки-

нишны.

– Почему вы так думаете? – спросила Ляля.

– У них пенсии хорошие, да и люди они добрые. К тому же Ниночка любит всякое такое.

– А как же сушки для Акинишны?

– Они ей так их отдадут.

– А Ниночка тоже пенсию получает?

– Конечно, – кивнула бабушка, – У нее инвалидность вечная, не надо ездить подтверждать каждый год.

– Ясно.

– Идем, детка, чай пить со сгущенкой, – позвала она Лизоньку, которая уже вырезала целую кучу бумажной одежды из журнала.

– Угу, – кивнула Лиза и стала собирать все свое добро со скамейки.

– Ты на Галину не обиделась? – спросила Авдотья Лялю.

– Нет, 20 километров не так уж и близко, – сказала со вздохом Ляля.

– Ну вот и ладненько. Иди ставь чайник.

Глава 11 Чужаки

Побежали дни за днями. Ниночка с Лялей только и делали, что готовились к зиме, то на охоту ходили, то на рыбалку, то по грибы, то по ягоды, то за валежником. Ляля уже не ходила на заброшенную остановку, да и про Виктора старалась не вспоминать. Ниночка перебрала вещи в своем гардеробе и кое-что принесла Ляле и Лизоньке. Также притащила несколько отрезков ткани с разными зайчиками и мишками.

– Вот, – разложила свое сокровище Ниночка, – Давай Лизе что-нибудь сошьем. Здесь и байка есть, можно сшить пижамку. А из этого получится красивый сарафан, а из этого платье. Мне Маша иногда ткань привозит, а я беру, мне нравится яркое, но я уже большая такая носить. Раньше думала, что принц за мной приедет, и потом у нас дети будут, вот им сошью много красивых одежек из тканей. А теперь понимаю, что деток у меня никогда уже не будет, даже если принц появится.

Ляля даже не знала, что ей на это ответить.

– Ткань же лежит, со временем портится, а малышке носить нечего, – вздохнула Ниночка.

– Ты всё только не изрежь, – заглянула через плечо Авдотья, – Оставь на следующий год. Лето вон к исходу идет, за зиму девчонка вытянется, мало будет.

– Сейчас самые интересные куски отложим, – кивнула Ни-

ночка, – А потом их еще разделим.

– Эх, Лялю–то мы одели и обули, а вот Лизоньке нужно много чего и на осень, и на зиму купить, – вздохнула Авдотья, – Паразит твой Витька, выгнал на улицу людей без вещей.

Ляля опустила вниз глаза и снова скулсилась.

– Ой, да хватит уже реветь. Есть у меня немного денег, оденем мы Лизоньку, – махнула рукой Авдотья, – Прекрати мне сырость разводить. Может чего и перешьем.

– Свалилась к вам на шею, – всхлипнула Ляля.

– Ну а куда тебя девать? Не к волкам же в лес с дитем выбрасывать? Мы что, звери какие?

– Нет, мы не звери, – покачала головой Ниночка, – Мы хорошие. Я с папкой поговорю, может, чего еще найдем для Лизоньки.

– Спасибо вам огромное. Вот вечно я родным не нужна была, а чужие обо мне заботились и опекали. Они мне становились ближе, чем родственники, – шмыгнула носом Ляля.

– Ну, значит, у тебя такая судьба, – покачала головой Авдотья. – Встретиться тебе еще на пути хороший человек, который и поможет, и направит, и опорой и плечом вашим станет.

– Не знаю, – с сомнением сказала Ляля.

– Будет–будет, жизнь–то длинная.

Так совместными усилиями собрали небольшой гардероб для Ляли и Лизоньки. Авдотья с Акинишной навязали дев-

чонкам носки да гольфы. Пуловер для себя и кофту для Лизоньки Ляля решила связать сама. Благо у бабушек нашлось много разнообразной шерстяной пряжи.

– Вот и пригодились наши моточки да клубочки, – радовалась бабушка, – А то же при советской власти много всякого набрала. За всю жизнь извязать не успела. Хорошо, что моль с мышами не добрались до пряжи.

Так и жили потихоньку жители деревеньки, которой не было на карте и название которой уже давно никто не помнил.

В августе выдались особенно жаркие деньги. Все собрались у деда Василича. Ляля помогала ему копать молодую картошку. Лиза и Ниночка игрались в песочнице. Акинишна, как обычно, дремала в теньке на лавке, а Авдотья нарезала овощи для окрошки.

– Хорошая картошка, крупная, – сказала Ляля, рассматривая клубни.

– Отличная, – согласился с ней дед Василич.

– Пойду я кваску хлебну, посижу в тенечке, а потом мы это всё уберем.

Ляля налила себе в кружку кваса и устроилась рядом со старухой Акинишной. Василич повернулся в сторону дороги и приставил ладонь ко лбу, чтобы увидеть того, кто по ней шел.

– Чего ты там, дед, учуял? – оторвалась от своего занятия Авдотья.

– Чужие идут, – покачал он головой.

– А я что–то никого не чую пока.

– Погодь, и ты скоро их почувствуешь.

Ляля повернула голову в сторону дороги, но там никого не было.

– Да нет же никого, – пожала она плечами, – Это вам от жары всякое мерещится.

– Ну дай Бог, никого бы и не было, – вздохнула Акинишна, приоткрыв один глаз.

– Чистые, грязные? – спросила Авдотья.

– Разные, – ответил дед.

– Много?

– Трое.

Ляля хмыкнула себе под нос и продолжила пить квас. Она замечала некоторые странности за стариками, но старалась не обращать на них внимания. Многое она списывала на возраст да на местные причуды. Однако не успела она допить свой квас, как на дороге появились трое человек.

– Мужуки, – задумчиво сказала Акинишна.

Авдотья продолжала заниматься своими делами. Дед принялся перекапывать грядку со старой редиской. Ляля в надежде вытянула голову. Троица поравнялась с забором.

– Доброго денечка, люди добрые, – протянул маленького росточка бритоголовый мужичок в черной робе.

Лицо его было слегка перекошено и разукрашено синяками. Мужичку было слегка за тридцать. Он толкнул калитку

и вошел во двор. За ним следом зашли еще двое – здоровый крепкий парень лет двадцати пяти с яркими синими, как васильки, глазами, и высокий худощавый мужчина лет пятидесяти шести. И тот, и другой одеты были в черные робы. Они поздоровались с жителями деревеньки.

Молодой мужичок сразу же подсел к Ляле на лавку.

– Ой ты, ля, какая краля, тонкая да звонкая.

Он попытался схватить ее за руку, тронул за коленку.

– Змей, не тронь девчонку. Смотри, она еще совсем ребенок, да и не по понятиям это – лезть к женщинам. Мы тут не за этим, – сделал ему замечание мужчина в возрасте.

– Одно другому не мешает. Я, может, ей так понравлюсь, что она сама захочет со мной зажечь, – Змей снова попытался схватить ее под локоть.

Лялька поежилась и попыталась от него отсесть подальше.

– Чего это вас в наши края занесло? – спросил дед Василич.

– По делам, дед, – хмыкнул Змей, – У вас тут участковый имеется?

– Нет, да и не было его у нас никогда, и даже не заглядывал. Мы люди мирные, происшествий у нас не случается, – дед пожал плечами.

Василич облокотился об лопату и с прищуром наблюдал за непрошенными гостями.

– Дед, не в службу, а в дружбу, накорми свободных бродяг мясом, – сказал Змей.

– Да где же я тебе мясо найду? У нас живности никакой нет.

– Да вон я слышу, у тебя куры квохчут.

– Это несушки. Мяса с них никакое, жесткое да старое. Да и рубить я ее не стану, дитям белок надо, а с них хоть яйца есть почти каждый день.

– Да мы не гордые зубы у нас есть, погрызем мяско куриное, да и с них супец знатный получается.

– Не дам, – дед посмотрел на него исподлобья.

– Что, совсем нечего из мясного пожрать? Ни тушенки, ни каких запасов? – глянул на него с прищуром Змей.

– Огурцы с помидорами есть. А из мяса – рыба на реке. Удочку могу дать, заодно стариков и дитев рыбкой накормишь.

– А яйца–то есть?

– Сегодняшние на салат все сварили, а вчерашние еще вчера кончились.

– Ха–ха, ты прямо дед Петросян, – хмыкнул Змей.

– Вы нас окрошкой угостите? – спросил мужчина в возрасте.

– А у нас есть выбор? – спросила Авдотья.

– Выбор, бабка, есть всегда, – ответил Змей, – но он не всегда верный. Будете с нами добрыми и ласковыми – и доживете до своей смерти.

– Да мы и так до нее доживем, – хмыкнул Василич.

– В целом, – окинул взглядом двор Змей, – Неплохо тут

у вас. Можно пару неделек пожить. И бабочки какие тут замечательные имеются. И, наверно, мне даже больше нравится вон та пышка в песочке, чем эта кукла. Эй, малышка, не согреешь ли постель дяде?

– Прекрати, – снова одернул его пожилой товарищ.

– А то что? – Змей вскочил со своего места, – Ты теперь не у себя там, ты уже здесь.

– А то, – мужчина сунул ему под нос жилистый кулак.

– Простите, а где у вас лицо умыть можно? – обратился к деду третий парнишка, который все это время молчал.

– О, Артемий у нас голос подал, – хмыкнул Змей.

– Вон бочка стоит, – кивнул дед на бочку с дождевой водой. – А в конце огорода есть колодец.

Парень направился в огород.

– Не с того мы начали наше знакомство, – сказал пожилой мужчина, – Меня Аркадий Михайлович зовут. Его Артем, а этого... – он запнулся.

– Змей меня зовут, и больше никак.

– Антошка, Антошка, идем копать картошку, – вдруг запела Ниночка.

У Змея лицо перекосилось от злости, и он сжал кулачки.

– Змей меня зовут. Слышали? Змей, – прошипел он.

– Не обращай на нее внимания. Она малость у нас тогось, – сказал Василич. – Змей так Змей, хотя Антон тоже хорошее имя, – ухмыльнулся дед.

Мужичок побагровел и стиснул зубы. Старший товарищ

положил на плечо ему руку и больно его сжал.

– Охлонись, – сказал он ему, – Вон, иди к Артему, голову немного остуди.

Тот фыркнул и направился в сторону колодца. Дед проводил его тяжелым взглядом. От взгляда Аркадия ничего не ускользнуло, ни то, как сжимал лопату дед, ни то, как посматривала на них старуха Авдотья, аккуратно припрятав нож среди тарелок на столе, ни то, как перехватила Ниночка железную маленькую лопатку в руке. И даже немощная старуха на лавке как-то странно на них посматривала. Только во взгляде Ляльки читался испуг и страх.

– А тут все не так просто, как кажется, – подумал он.

Глава 12 Не пей в незнакомой компании

Ну и чего ты там топчешься? – спросила Аркадия Авдотья. – Присматриваешь за молодежью?

– Да вот смотрю, чтобы они там чего не учудили, – показывал головой он. – Вы уж простите, что мы вот так к вам зашли с пустыми руками, но если чего нужно сделать, так мы всегда готовы.

– Огород полить, воды натаскать, вон картоху всю нужно в тених перетаскать. Нам бы еще дров кто нарубил в лесу, – стал перечислять все дела дед Василич, загибая пальцы. – Девки только валежник могут таскать, а большие деревья нарубить и до дома донести силенок не хватает.

– Топор дашь, так все сделаем, – кивнул Аркадий. – И тележку для дров.

– Все дам, – кивнул дед. – И тележку, и топор, и лопату. От колодца вернулись Змей с Артемом. Змей всем своим видом пытался показать, что он самый главный. Артем нахмурился и не глядел на товарища.

– Ну чего там у нас с харчами? – поинтересовался Змей. – Осталось картошку дорезать, – ответила Авдотья. – О, значит, крошечка у нас на подходе. А выпить чего есть? – спросил он, мерзко ухмыляясь. – А то так пить хо-

чется, что переночевать негде.

Он сам рассмеялся своей собственной шутке.

– А тебя что конкретно интересует? – прищурился дед. – У нас вон и квас, и компот, и вода колодезная имеется.

– Чего–нибудь с градусами, дед.

– Да кто же в такую жару чай пьет?

– А то ты меня не понял, о чем я, – Змей хлопнул ребром ладони себя по горлу. – Горячительного, водочки или самогонки, в принципе и от вина домашнего не откажусь.

– Ты бы не пил, – сказал ему Аркадий.

– Я сам разберусь, пить мне или не пить, – огрызнулся Змей. – Ну так чего там с алкоголем?

– Да мы же не пьем, нет у нас этого, – пожал плечами дед.

– Ой, брешешь, как дышишь, – хмыкнул Змей. – Небось стоит где–нибудь беленькая в уголочке, запотевшая.

– Нет ничего, – нахмурился Василич и развел руками в разные стороны.

Тут на лавке открыла глаза Акинишна и посмотрела на Змея.

– Чего бабка таращишься? – спросил он ее зло.

– Я бы тоже выпила, – сказала она.

– Акинишна, ну куда тебя на старости лет тянет? – вздохнула Авдотья.

– А что? Может это последняя радость, – возмутилась старушка.

– Бабка, у тебя выпивка, что ли имеется? – прищурился

Змей.

– А то, есть, милоч, кой чего и у меня. Еще батька мой настойки всякие делал, с тех времен и остались некоторые запасы.

– Ну пошли, коли не врешь, – обрадовался Змей.

– Ты бы не пил ничего у местных, – попытался остановить его Аркадий.

– Завидуешь? Не переживай, я тебе пару рюмок оставлю. Или ты за старуху боишься? У меня хоть давно баб и не было, но не такой я уж и извра–щуга, не тянет меня на мумий.

– Ну смотри, это твое решение.

– Мое, мое, сам разберусь, – похлопал его по плечу Змей. Акинишна встала со скамейки и поковыляла к калитке.

– Я с тобой, а то мало ли чего ты там мне намешаешь в свою настойку, – кинулся за ней следом Змей.

– Ну пошли, хлопец, – кивнула она.

Через десять минут они вернулись. Змей прижимал к себе бутылку с какой–то темной жидкостью и банку с квашеной капустой. Авдотья переглянулась с Василичем.

– Ну, кукла, как там тебя зовут? Неси стопки, пить будем за встречу, за знакомство, за свободу, – подмигнул Змей.

Ляля покраснела.

– Я тебе сейчас сам рюмку принесу, – ответил Василич.

– Не рюмку, а рюмки, я не а–лкаш, один не пью. Будем с этой кралей напиток дегустировать.

– Я не пью крепкое, – помотала головой Ляля.

– Артемка, давай с тобой тогда выпьем, или ты меня не уважаешь?

– Ты прекрасно знаешь, что я не пью, – сердито глянул на него Артем.

– Ну да, человека по пьяни искалечил, вот и не пьешь.

– Не человек это был, – помотал головой Артем. – К тому же я его не калечил.

– Да все мы агнцы божьи на той стороне, все просто так сидим, – заржал Змей.

– Ты, милоч, не понял, я с тобой пить буду, – улыбнулась беззубыми деснами Акинишна.

– Вот и остается только пить со старухой, а остальные, как нерусские, выпить отказываются. Эй, кукла, может, мы тебе настойку компотом разведем? Будет тебе винишко.

– Я не хочу, у меня потом голова болеть будет, – отказывалась Ляля.

Авдотья тяжелым взглядом проводила шустрого и подвижного, как на шарнирах Змея. Дед Василич притащил две рюмки и поставил их на стол.

– Аркаша, ты точно не будешь? – со смехом спросил его Змей.

– Я тебе уже свою точку зрения на сей счет сказал, – сердито глянул на него Аркадий.

– Да чего ты переживаешь? Старуха при мне эту настойку из буфета вытащила, и пить ее сейчас будет вместе со мной.

– Это твое дело и твое решение. Я лично воздержусь.

Все уселись за стол. Змей первым делом открыл бутылку и плеснул в рюмку себе и Акинишне ароматного напитка.

– Эх, а пахнет–то как, как Алтайский бальзам, – он понюхал содержимое рюмки.

Авдотья пододвинула миску с накрошенными овощами.

– Кладите кому сколько нужно. Да квасом разводите. Вот соль, вот хлеб, – сказала она.

Змей поднял рюмку и чокнулся с Акинишной.

– Ну, за знакомство, – произнес он тост и опрокинул в себя содержимое. – Ох, хороша, ядрёная.

Бабулька сделала только глоток, прикрыла глаза, вдохнула в себя воздух и принялась с удовольствием есть окрошку.

Змей за время обеда выпил почти половину бутылки. Акинишна осилила только половину рюмки.

– Ты чего не пьешь–то? – спросил он у нее заплетающимся языком.

– Так я же, милоч, старая, мне и рюмка, как тебе половина бутылки, – усмехнулась она.

Ели все молча, только слушали разглагольствования Змея. Доели окрошку и салат.

– Хорошо, – погладил он себя по брюху. – Эх, мне бы бабу, мне бы бабу, – пропел он и громко заржал, обведя присутствующих мутным взглядом.

Вдруг его затрясло, глаза широко раскрылись, он начал хватать ртом воздух.

– У меня как–то нашли какую–то страшную болячку, –

сказала Акинишна, – И сказали, что я помру через полгода. Я тогда себе смастерила настойку из разных ядов и пила ее по капле в день, а потом стала увеличивать дозу. И дошла до половины рюмки, больше не пробовала. После этого дозу уменьшила, и так несколько курсов. Болезнь напугалась и ушла, а настойка так и стояла себе в буфете, как напоминание о тех временах. Так что, милоч, старших надо было слушаться.

Змей упал со скамьи на пол, предсмертные судороги прошли по его телу. Он несколько раз вдохнул и с хрипом выдохнул и затих.

Ляля смотрела с ужасом за происходящим. Артем отвернулся. Авдотья встала со своего места, переступила через тело и стала собирать грязную посуду.

– Квас кто–нибудь пить будет? – спросила Ниночка.

– Нет, – помотала головой Аркадий.

– Я тогда уберу его в сени, а то тут жарко.

– Ну, чего не весел, нос повесил? – спросил дед Василич у Аркадия. – Бери вон тележку и лопаты. За деревней есть старое кладбище. Закопаете, можете лопаты оставить с тележкой там. Я потом приду и заберу.

– Да уж, вот тебе и тихая деревенька, – хмыкнул Аркадий, поднимаясь со своего места.

– А ему никто насильно не вливал, – ответила Акинишна, – Сам захотел.

– Деревенька у нас поэтому и тихая, что такие, как твой

Змей, здесь не задерживаются, – ответил Василич.

Артем с Аркадием погрузили Змея в тележку и повезли туда, где виднелись покосившиеся кресты.

– Мама, а что, дяде стало плохо? – спросила Лиза.

– Очень плохо, он заболел, – ответила Ляля.

– А можно он долго будет болеть? Он плохой, он мне не нравится.

– Можно, – кивнула Ляля.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.